

2, шк. 2 п. 8 № 25

ИЗ СОБРАНИ
ВОРОНЦОВЕ

12495

ГЕТМАНЪ ОСТРЯНИЦА.

**ГЕТМАНЪ
ОСТРЯНИЦА,**

ИЛИ

**ЭПОХА СМУТЬ И БѢДСТВІЙ
МАЛОРОССІИ,**

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ XVII СТОЛѢТІЯ,

Василія Коренеоскаго.

—
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
—

ХАРЬКОВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

—

1846.

в м 15

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Одесса. Января 5 дня 1845 года.

Ценсоръ В. Пахманъ.

посвящено

любителямъ Малороссійской старины.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Военное братство козаковъ Малороссійскихъ (по происхожденію, вѣрѣ и языку), исторически сдѣлалось известнымъ въ концѣ XV столѣтія, въ низовьяхъ Днѣпра, подъ именемъ Черкасъ и Запорожцевъ ¹. Притонъ ихъ (кошъ) назывался *Спъчю* и былъ переносимъ, смотря по обстоятельствамъ, изъ одного мѣста на другое. До 1576 года кошъ Запорожцевъ находился на Хортицкомъ островѣ, ниже пороговъ;

тамъ жили козаки холостые, искавшіе опасности и необузданной воли *. Города ихъ выше пороговъ, въ которыхъ жили козаки *посполитые* (поженившіеся) были: *Самара* на рѣчкѣ Самарѣ, впадающей въ Днѣпръ; *Черкасы*, *Чигиринъ*, *Каневъ* на Днѣпрѣ и *Орликъ* на устьѣ рѣчки Синюхи, впадающей въ Бугъ **. Со вступленіемъ на престолъ Польскаго Короля Стефана Баторія, бывшаго Воеводы Славянъ Семиградскихъ, кошь Запорожскій основанъ на рѣчкѣ Чертомлыкѣ, впадающей въ Днѣпръ.

По примѣру Запорожцевъ, образовались козацкія дружины въ Малороссійскихъ го-

* Исторія Устрялова, часть II.

** Исторія новой Свчи. Скальковского.

родахъ, состоявшія изъ людей воинственныхъ, но осѣдлыхъ, горячо любившихъ свою родину и слѣпо преданныхъ властямъ, самими ими избраннымъ.

Государи Московскіе и Великіе Князья Литовскіе, постигая всю важность козачества, которое могло служить оплотомъ для нихъ противу хищныхъ Крымцевъ, другъ предъ другомъ старались присвоить надъ ними верховную власть. Козаки, съ своей стороны, были расположены принять покровительство Государей Московскихъ, ходатайствовали объ этомъ у Іоанна III и внука его Іоанна IV. Обстоятельства соединенныя съ отдаленностію козаковъ отъ тогдашнихъ Московскихъ предѣловъ, не допустили Іоанна III утвердить

надъ ними свое господство; въ царствованіе Іоанна IV, жестокость этого Государя, отдалима ихъ.

Современникъ Грознаго, воинственный Баторій, спѣшилъ воспользоваться несогласіемъ козаковъ съ Москвою. Лучше всѣхъ предшественниковъ постигая выгоды отъ присоединенія ихъ къ Королевству Польскому, онъ ласкалъ козаковъ, давалъ имъ жалованье, сумилъ разныя льготы, въ случаѣ подданства, и достигъ своей цѣли. Вольные рыцари Украйны, согласились признать его своимъ покровителемъ и быть стражами отъ Татаръ.

Въ 1576 году Баторій далъ Малороссійскимъ козакамъ правильное устройство,

сообразное съ ихъ нравами и обычаями ². Главное начальство поручено было Гетману, коему Баторій далъ коронное знамя, бунчукъ, булаву и городъ Батуринъ въ столицу. Право избирать Гетмана представлено козакамъ, которые, сверхъ того, были освобождены отъ податей и земскихъ повинностей. Такимъ образомъ козаки составили въ нѣкоторомъ смыслѣ постоянное земское ополченіе въ Малороссіи.

Но что устроилъ умный Баторій для пользы Королевства, то легкомысленно разрушили его преемники. Въмѣсто того, чтобы пользоваться мужествомъ козаковъ и образовать изъ нихъ оплотъ для Польши отъ вторженій Крымскихъ Татаръ, даже при содѣйствіи ихъ завоевать Таври-

ду, они видѣли въ нихъ только виновниковъ вражды Польши съ Крымомъ. Сигизмундъ III рѣшился лишить козаковъ того, чѣмъ болѣе всего они дорожили: *воли и вѣры*. Притѣсненія начались съ 1589 года, когда Сеймъ опредѣлилъ: «быть козакамъ въ вѣдѣніи короннаго Гетмана, отъ коего исполнѣнъ зависѣть и старшинамъ ихъ; безъ позволенія его неходить на поиски, Малороссійскимъ помѣщикамъ не отпускать крестьянъ къ Запорожцамъ, не продавать имъ, подѣ смертною казнію управляющихъ помѣстьями, ни пороху, ни свинцу, ни жизненныхъ припасовъ» *. Столь насильственная мѣра взволновала козаковъ; они спѣшили доказать Сейму свою волю:

* Русская Исторія Устрялова, Т. II.

соединились съ Донцами, пустились въ Черное море, выжгли Трапезундъ, ограбили Синопе и, возвратясь въ Сѣчь съ добычею, обратили оружіе на Поляковъ. Кіевскій Воевода Константинъ Острожскій, съ трудомъ успѣлъ усмирить ихъ.

Послѣ этаго Сигизмундъ долженъ былъ убѣдиться, что только благоразумная осторожность могла утвердить зависимость Малороссіи отъ Королевства; Король дѣйствовалъ вопреки правиламъ здравой политики: онъ считалъ самымъ лучшимъ средствомъ къ обузданію козаковъ Унію ³. Въ 1596 году знаменитый полководецъ его Станиславъ Жолкѣвскій, съ многочисленнымъ Польскимъ войскомъ вступилъ въ Малороссію, требуя, чтобы козаки обязались присягою

въ повиновеніи корошному Гетману и признали Папу со всеми постановленіями Брестскаго Собора. Всеобщій ропотъ Малороссіи былъ отвѣтомъ воззванію Уніатовъ. Козаки провозгласили своимъ Гетманомъ храбраго Наливайку, встрѣтили Жолкъвскаго близъ Чигирина, разбили его наголову, опустошили Вольнь и Бѣлоруссію.

Отсель запылала въ Малороссіи война почти безпрерывная между козаками и Поляками; первые сражались за вѣру праотцевъ, за права, утвержденныя Баторіемъ; вторые напрягали все силы къ распространенію Уніи. Началась непримиримая вражда, доходившая до ожесточенія. Сеймъ неоднократно опредѣлялъ искоренить поголовно всѣхъ козаковъ; они въ свою оче-

редь возненавидѣли своихъ притѣснителей болѣе самыхъ Татаръ, и не давали пощады ни старому, ни малому. Успѣхъ борьбы былъ то на той, то на другой сторонѣ: когда палъ Наливайко, предательски захваченный и замученный въ Варшавѣ⁴, козаки, оставшись безъ вожда, не въ силахъ были изгнать Езуитовъ и Уніатовъ, поддерживаемыхъ Польскими войсками.

Безпримѣрное гоненіе было удѣломъ Малороссіи: въ 1597 году по опредѣленію Сейма, «Русскій народъ признанъ *буитли-* «*вымъ* и осужденъ въ рабство; Малорос- «сійскіе помѣщики утратили свои земли, «перешедшія въ руки Польскихъ шлях- «тичей, если нехотѣли признать Унію; «Русскіе храмы были запечатаны, или

«отданы въ аренду жидамъ, которые от-
«пирали ихъ для священводѣйствія не
«иначе, какъ за извѣстную плату до
«пяти талеровъ; крестины, свадьбы и по-
«хороны, также были на откупѣ у жи-
«довъ» *.

Въ эту годину испытаній,—до нынѣ съ
ужасомъ воспоминаемыхъ въ Украинѣ,—го-
рода и села Малороссіи опустѣли; большая
часть жителей ея удалились въ Сѣчь За-
порожскую, не приступную для Поляковъ.

Запорожье хранило несчастную Украину.
Въ Гетманы избранъ Петръ Коношевичь-

* Исторія Малороссіи Б. Каменскаго, Н. Маркевича,
Т. I.

Сагайдачный¹,—мужъ просвѣщенный и
храбрый, умѣвшій внушить къ себѣ ува-
женіе Сигизмунда III, сколько грозою
своего оружія, столько и важными услу-
гами, оказанными Польшѣ во время Мо-
сковскаго похода въ 1618 году, и еще бо-
лье при осадѣ Хотина Турками.

Пользуясь своими силами, Коношевичь,
ревностный въ православіи, четыре раза
принуждалъ Сеймъ издавать постановленія
въ пользу Греко-Россійскаго духовенства,
обуздывалъ Уніатовъ и Езуитовъ; писалъ
противу нихъ весьма умныя сочиненія *.

* Левъ Сапѣга, Канцлеръ Литовскій, упоминаетъ въ
письмѣ своемъ къ Полоцкому Архіепископу Юсафату
(1622 года) о сочиненіи Сагайдачнаго противу Уніа-
товъ *предрагоцінномъ*. Исторія о возникшей въ Поль-
шѣ Уніи, стр. 77.

По его старанію, Іерусалимскій Патріархъ Теофанъ посвятилъ въ Кіевскіе Митрополиты извѣстнаго Іова Борецкаго, ходатайствовавшаго у юнаго Государя Московскаго Михаила о присоединеніи Малороссіи къ царству Русскому; чего Михайлъ немогъ исполнить по тогдашнимъ смутнымъ обстоятельствамъ Россіи, и что славно совершилъ сынъ его мудрый Алексій.

Подъ управленіемъ Сагайдачнаго Украйна отдыхала. По смерти сего великаго мужа, гоненіе возобновилось съ безпримѣрнымъ ожесточеніемъ во всѣхъ Русскихъ областяхъ, подвластныхъ Сигизмунду III; болѣе всего страдала Малороссія.

«Кромѣ податей, подымныхъ и поземельныхъ, наложенъ на Малороссіянъ пошляни-

ный сборъ съ покупки и продажи състныхъ припасовъ. Предъ праздникомъ Воскресенія Христова вездѣ продавались на торжищахъ пасхальные хлѣбы. Польская стража окружала продавцовъ. Когда покупающій пасху имѣлъ на груди лоскутъ, съ надписью: *Уніятъ*, онъ прибрѣталъ ее за обыкновенную цѣну; кто являлся безъ этаго знака, обязанъ былъ платить дань по одному золоту и болѣе, соответственно величинѣ хлѣба. Въ главныхъ городахъ *пасочной* зборъ отданъ былъ на откупъ жидамъ, которые, взимая дань эту безъ пощады, назначали число пасокъ на каждое семейство, по числу душъ, — не исключая и малолѣтнихъ, — взыскивали слѣдующія деньги, осматривали въ церквахъ при освященіи каждую пасху, — и, если нахо-

дили испеченныя Малороссіянами, дѣлали на нихъ отмѣтки угольемъ и, потомъ заставляли виновныхъ платить въ трое дороже противу базарной цѣны» *. Такъ страдалъ народъ!

Козаки Малороссійскіе не менѣе были стѣснены: старшины лишены ранговыхъ имѣній, коими завладѣли Магнаты Польскіе; войско подчинено Короннымъ Гетманамъ, всѣ мѣры предприняты были для удержанія козаковъ отъ выборовъ предводителей.

Тогдашній современникъ Бопланъ, жившій долгое время въ Малороссіи, повѣствуетъ: «что крестьяне доведены были до

* Исторія Малороссіи Б. Каменскаго, Т. I.

« совершеннаго разоренія, исправляли три
« дни въ недѣлю барщину; также, по
« мѣрѣ земель, давали нѣкоторой оброкъ хлѣ-
« бомъ, каплунами, курами, цыплятами, удѣ-
« ляли десятаго барана, десятую свинью и
« десятый улей пчель, отъ всѣхъ полевыхъ
« плодовъ десятину и чрезъ три года третьяго
« быка; возили дрова, исполняли тысячу
« другихъ обременительныхъ повинностей и,
« сверхъ того, платили наличными деньга-
« ми. Къ довершенію бѣдствій народа, не
« одни храмы, но цѣляя Области поступали
« на откупъ жидамъ, которые взимая съ
« крестьянъ положенную владѣльцами дань,
« увеличивали ее для собственной пользы. »

Въ 1627 году бѣдствія народа достигли крайняго предѣла. Возмущеніе готово было

вспыхнуть. Правительство Польское приняло дѣятельныя мѣры для прекращенія общаго ропота. На Запорожьи поставленъ Гетманомъ нѣкто Грицко, преданный утѣснителямъ своей родины. Коронный Гетманъ Конецпольскій, съ сильнымъ войскомъ, двинулся къ берегамъ Днѣпра, остановился въ Чигиринѣ на зимнихъ квартирахъ, ожидая отряды, формировавшіеся на счетъ Польскихъ помѣщиковъ въ Украинѣ.

ГЛАВА I.

Станиславъ Конецпольскій, Гетманъ великій Коронный, занималъ палацъ панскій, на лѣвомъ берегу Тисмина, въ укрѣпленіи. Ряды офиціантовъ, военныхъ ординарцевъ и адъютантовъ, безмолвно стояли во кругъ вельможи, задумчиво сидѣвшаго въ своемъ кабинетѣ.

Звѣржицкій! — сказалъ Гетманъ одному изъ адъютантовъ, — проси воеводу и начальниковъ отрядовъ, собраться въ ору-

жейную палату и распорядись привести туда узниковъ присланныхъ Гетманомъ Запорожскимъ.

По уходѣ адъютанта, Гетманъ, отпустивъ свиту, принялся разбирать бумаги и планы, лежавшіе на письменномъ столѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ, доложили о приходѣ военачальниковъ.

Конєцпольскій прошелъ по крытымъ галереямъ замка въ оружейную залу, находившуюся внизу сторожевой башни, и имѣвшую потаенный выходъ къ берегу Тясмина.

Въ рыцарской вѣкъ Польши, подобно какъ въ Германіи, Франціи и другихъ Го-

сударствахъ Западной Европы, оружейная палата составляла необходимую принадлежность феодальнаго жилища, палладіумъ замка,—изукрашенная гербами, оружіемъ и портретами предковъ. Тамъ вельможи Польши пировали послѣ одержанныхъ побѣдъ; произносили безжалостные приговоры своимъ подданнымъ, ненавидѣвшимъ ихъ за непомерную гордость и алчность и, въ порывѣ мнимаго патриотизма, разгоряченные дарами вакха, судили дѣла Королей самыми ими избранныхъ. Вѣкъ чудный!.....

Прошу присѣсть *панове*, — сказалъ Гетманъ начальникамъ отрядовъ, ожидавшимъ его въ залѣ, указывая на кресла, поставленные вокругъ длиннаго стола, накрытаго краснымъ сукномъ.

Военачальники усълись. Разсуждали: какіе можно и полезно принять мѣры къ отвращенію мятежа въ Украйнѣ?

Голоса отбирали съ младшаго.

Ротмистръ Заремба, одинъ изъ храбрѣйшихъ наѣздниковъ того времени, имѣвшій на своемъ содержаніи эскадронъ панцирниковъ, предлагалъ, захватить главнѣйшихъ заговорщиковъ вооруженною рукою и предать ихъ мучительной казни, подобно Наливайкѣ.

Нѣкоторые изъ военачальниковъ согласились съ мнѣніемъ Зарембы, другіе болѣе осторожные отвергали его, боясь увеличить

ропотъ народа новою насильственною мѣрою; даже предлагали уменьшить повинности крестьянъ, общать козакамъ нѣкоторыя льготы, дарованныя Баторіемъ, и тогда отнятыя у нихъ; Гетманъ принадлежалъ къ партіи умѣренныхъ. Противники возражали, доказывали необходимость предлагаемыхъ ими мѣръ, когда шумное совѣщаніе прервано было докладомъ караульнаго офицера о бѣгствѣ плѣнниковъ, присланныхъ Гетманомъ Запорожскимъ, утопившихъ въ Тясминѣ двухъ конвойныхъ и Звѣржицкаго.

Конеццольскій удивлялся оплошности солдатъ, допустившихъ утопить себя не вооруженнымъ людямъ и жалѣлъ объ участи Звѣржицкаго, племянника Зарембы.

Ротмистръ задыхался отъ гнѣва, просилъ позволенія преслѣдовать бѣглецовъ съ своимъ отрядомъ.

Нетрудитесь, храбрый мой Ротмистръ — отвѣчалъ Гетманъ, — по темнотѣ ночи вы ихъ непоймаете, лишь изнурите себя, людей и лошадей. Сыны степи болѣе насъ искусны въ ночныхъ удачествахъ; притомъ-же буйныя головы эти не были криминальные арестанты; они обвиняются Гетманомъ Запорожскимъ въ неповиновеніи ему и его старшинамъ, такимъ-же невѣждамъ и грабителямъ, какъ сами задержанные. Жаль только жолнеровъ и бѣднаго Звѣржицкаго, — добавилъ Гетманъ.

При послѣднихъ словахъ, потаенная дверь оружейной палаты отворилась, явился

Звѣржицкій обмокшій, дрожавшій отъ холода; вода струилась съ его платья.

Гетманъ и всѣ присутствовавшіе въ залѣ, глядѣли на него съ изумленіемъ.

Спасены-ли жолнеры? спросилъ Конецпольскій.

Не жолнеры, а панцырники моего дяди, которыхъ я взялъ вмѣсто жолнеровъ для препровожденія арестантовъ, измѣнники, — отвѣчалъ молодой человекъ, — когда мы были на срединѣ рѣки, они сами столкнули меня въ воду и уплыли вмѣстѣ съ разбойниками. Я узналъ, что панцырники были Руссины, схизматики, недавно завербованные въ эскадронъ.

— Какъ ихъ фамиліи? — спросилъ встревоженный Заремба.

— Бурковскій и Тугай.

Гетманъ посмотрѣлъ значительно на Зарембу и сказалъ: надо быть осмотрительнѣе въ выборѣ людей, любезный Ротмистръ! — Первое условіе, чтобы они были или православные, или Уніаты; схизматики, по опредѣленію Сейма, не могутъ быть терпимы въ королевской службѣ, и вотъ печальный опытъ неисполненія закона, могшій стоить жизни вашему племяннику. Обращаясь къ прочимъ военачальникамъ Гетманъ замѣтилъ: надѣюсь *панове*, что происшествіе съ Звѣржицкимъ всѣмъ намъ послужитъ урокомъ.

Совѣщаніе отложено до утра. Гетманъ раскланялся съ маршалами и возвратился въ замокъ. Звѣржицкій и Заремба ушли въ офицерскую казарму.

ГЛАВА II.

Обогрѣвшись возлѣ пылавшаго камня, Звѣржицкій легъ въ постель. Ротмистръ налилъ для него бокаль рому и поднося его племяннику, сказалъ съ замѣтнымъ неудовольствіемъ: на, пей и берегись быть пустомелей! Откуда взялъ ты, что Бурковскій и Тугай схизматики? это ложь, въ которой я нехотѣлъ уличать тебя предъ Конецпольскимъ, принявшимъ напрасный трудъ дѣлать мнѣ наставленія. При поступленіи въ мой эскадронъ Бурковского и Ту-

гая, они объявили себя Уніятами, и прошедшее Воскресенье, я самъ видѣлъ ихъ въ костелѣ.

Такъ, любезный дядюшка, проговорился, — отвѣчалъ молодой человекъ, — извините меня! холодъ не свой братъ; я дрожалъ предъ Гетманомъ, какъ осиновый листъ, и даже мало помню, что говорилъ. Впрочемъ *за позволеньемъ*, — добавилъ Звѣржицкій лукаво, — я знаю навѣрное, что Бурковскій и Тугай были схизматики; мнѣ сказалъ это вашъ вахмистръ, бывшій на берегу Тясмина въ то время, когда я выплылъ изъ воды.

Ротмистръ нахмурился болѣе прежняго.

Гдѣ же онъ теперь *лайдакъ*? — спросилъ Заремба. — У меня есть охота вѣшнить ему

сотню фухтелей за то, что онъ скрыль отъ меня еретичество Бурковского и Тугая.

Несердитесь добрый мой дядюшка, отвѣчалъ Звѣржицкій, схвативъ руку дяди и сжимая ее въ своихъ рукахъ. Вахмистръ, вѣроятно, молчалъ отъ глупости, или отъ боязни потерять хорошихъ солдатъ. Онъ отзывается, что бѣглецы были лучшіе люди въ эскадронѣ, и потому онъ мнѣ далъ ихъ въ конвойные. Несердитесь любезный, храбрый мой дядюшка, наполните вашу бокаль, чокнемтесь — вотъ такъ. *Wiwat!* милая родина, прелестныя: Теклюся, Юлія, Дорота, etc. etc. Звѣржицкій выплеснулъ остатокъ изъ бокала въ верхъ. Заремба послѣдовалъ его примѣру.

Ого, любезный племянничекъ! — сказалъ Ротмистръ, развеселясь. — Память у тебя хороша, жаль только, что прелестныя наши Польки имѣютъ дурную. Они любого кавалера не помнятъ долѣе одного вечера, много двухъ.

Не всѣ, дядюшка, могу васъ увѣрить, — прервалъ Звѣржицкій.

Можешь увѣрить! — желалъ бы я?

Напримѣръ — сказалъ молодой человекъ, запинаясь, — можетъ ли быть такою вѣтреницею, какъ вы сказали, прелестная панна Гортензія Конецпольская?

Конецпольская! хе, хе, пріятель, далеко же ты улетьель, — воскликнулъ Рот-

мистръ; — потомъ посмотрѣвъ лукаво на племянника, добавилъ, панна Гортензія Конецпольская, нарѣченная невѣста воеводы Брацлавскаго?

— Это вздоръ! — отвѣчалъ Звѣржицкій, вспыхнувъ. — Гетманъ Конецпольскій никогда не сдѣлаетъ ничего неугоднаго Гортензіи.

Неугоднаго! Почему же ты знаешь Янъ, что паннѣ Конецпольской неугодно будетъ сдѣлаться женою воеводы Брацлавскаго, Старосты Переяславскаго и многихъ иныхъ титулъ будущаго обладателя?...

Звѣржицкій покраснѣлъ. — Я знаю это, любезный дядюшка, и прошу васъ хранить мою тайну.

Заремба, покачавъ головою и улыбнувшись, отвѣчалъ: молодой человекъ, обещаю хранить твою тайну доколь ты, или панна Гортензія, бросите ее въ Лету.

Вы почитаете мечты мои несбыточными, дядюшка? — продолжалъ неотвязчивый Звѣржицкій; — вспомните женитьбу самаго Конецпольскаго.

Янъ, Янъ! не все Гетманы подобны славному Жолкѣвскому и, не все панны имѣютъ умъ и сердце добродѣтельной Фелиціи, — отвѣчалъ Ротмистръ. — Ложись молодой человекъ и спи, утро вечера мудренѣе; выспишься, головъ твоей и сердцу будетъ легче. Заремба, осушивъ кубокъ токаля, повернулся на-бокъ и захрапѣлъ.

ГЛАВА III.

Начало разсвѣтать, туманъ стлался белой пеленой, холмъ, на которомъ стоялъ Чигиринскій замокъ, въ далекъ казался островкомъ въ необозримомъ океанѣ. На Днѣпрѣ, держась лѣваго берега, ныряла въ волнахъ маленькая лодочка, едва вмѣщавшая четырехъ съдоковъ. У руля челна, сидѣлъ молодой человекъ, статный, белокурый, съ прекрасными голубыми глазами; въ греблѣ, два парня стройные, одѣтые въ колеты Польскихъ латниковъ; средину лодки занималъ съдой козакъ, необыкновен-

наго роста, атлетическаго сложенія, курившій шинучій Роменскій табакъ изъ большой окорѣнковой трубки, надѣтой на маленькомъ чубучкѣ до того короткомъ, что безконечные усы курильщика, были въ опасности вспыхнуть.

Пустивши нѣсколько клубовъ дыму въ воздухъ, курильщикъ сказалъ: молодцы, Тугай и Бурка! право молодцы! — надули Поляковъ, лучше нежели *гидль Шлёма* надуваетъ православныхъ въ Нѣжинѣ, продавая пасхальные хлѣбы, обмазанные брагою вмѣсто яицъ. Да скажите на милость Божию хлопцы, какъ вы очутились въ лодкѣ съ этимъ проклятымъ *ляхомъ*?

Очутился *Батьку* поволь, а не поневоль, — отвѣчалъ Бурка. Узнавши, что от-

ступникъ Грицко задержалъ васъ и Стефана, и отправилъ въ Чигиринъ, мы съ Тугаемъ завербовались въ панцырники къ шляхтичу Зарембъ; выдавали себя за Уніатовъ, успѣли понравиться вахмистру, и—какъ видишь, хорошо воспользовались его расположеніемъ. *Ляшонокъ*, пріѣхавшій за вами, долго ломался и не хотѣлъ брать насъ въ конвойные. Вахмистръ уговорилъ его на свою голову: «искать они парни славные, дюжіе, не выдадутъ вашу милость.» Вотъ тебѣ и не выдали, а прямо отдали дѣдушкѣ-водяному, куда давно дорога всѣмъ проклятымъ папистамъ.

Держи *цабе* Стефанъ!—воскликнулъ торопливо съдой козакъ, схватясь обоими руками за края лодки. Ты правишь прямо

въ быстрину; какъ закружится и мы какъ разъ пойдемъ ко дну.

Э! струсилъ дядюшка Леонъ!—сказалъ Стефанъ. —Въ первой разъ въ жизни довелось видѣть, что Леонъ Гуня знаетъ страхъ.

Струсилъ племянничекъ!—отвѣчалъ Гуня съ неудовольствіемъ, переговаривая молодого челоуѣка, правившаго лодкой. — Ты видѣлъ, какъ я струсилъ подъ Цецорой, когда Татары готовились накинуть тебѣ петлю на шею; тамъ было изъ чего рисковать, а здѣсь нехочется по пусту нырнуть къ ракамъ, не отправивши еще нѣсколько басурмановъ, ляховъ и жидовъ, въ чистилище.

Ляхи тоже не дремлют, — замѣтилъ Тугай, — желая прекратить начатый разговоръ и овладѣть вниманіемъ стараго козака, — посмотрѣли-бъ вы, какія приуготовленія дѣлаетъ Конецпольскій въ Чигиринѣ!

Пускай дѣлаетъ, *сыну*, за насъ Богъ и святыя угодники его Печерскіе, — отвѣчалъ Гуня, вынувъ трубку изъ зубовъ и крестясь набожно. — Мы, безъ приуготовленій, управимся съ нашими мучителями, сбить бы только съ рукъ проклятаго волка — Грицка. Слышно, онъ заводитъ какую-то гвардію на манеръ Польскихъ драгуновъ?

Заводить — отвѣчалъ Тугай, — я видѣлъ эту сволочь въ Самарѣ.

Достигнувъ Устья Псла, откуда начинается большая плавня по обоимъ берегамъ

Днѣпра, недоступное въ то время для Поляковъ убѣжище гонимыхъ на родинѣ Украинцевъ, не вступившихъ еще въ число Съчеваго товариства и не поселившихся въ поланкахъ, — бѣглецы Чигиринскіе, поставивъ челнокъ свой въ скрытномъ мѣстѣ, пустились пѣшкомъ по тропинкамъ давно знакомымъ, къ пепелищу изгнанниковъ, находившемуся на высокомъ островѣ, вглуши плавни.

Подходя къ сторожевымъ пикетамъ кочевья, Гуня подалъ условленный сигналъ, на который отвѣтствовано такими же переливами звуковъ. Сторожевые козаки проводили пришельцевъ въ Кошъ.

Савка Чалый, первый удалецъ этаго имени, лихой наѣздникъ степи, заклѣтый
2**

врагъ всего Польскаго и Татарско-Турецкаго, сговорясь съ удалцами Чернаго-Льса, другаго притона Украинской вольницы въ верховьяхъ Ингула, готовился нахлынуть въ Подолію и Волинь. Курени кочевья наполнены были народомъ; табуны лошадей и стада овецъ, отбитые у Ногаевъ на берегахъ Кальміуса, бродили въ плавнѣ, подъ надзоромъ товариства, очередовавшагося для пастьбы ихъ по-недѣльно. Молодыхъ лошадей обвѣзжали и раздавали пѣшимъ козакамъ, прибывшимъ въ Кошъ, или потерявшимъ коней на понскахъ. Збруя и оружіе починались и дѣлались вновь, подъ руководствомъ опытнаго атамана. Дикая воинская жизнь кипѣла во всехъ куреняхъ, жаждавшихъ до-

бычи и крови надменныхъ угьснителѣй Украйны.

Въ это время прибыли бѣглецы Чигиринскіе въ кочевье Чалаго. Быль вечеръ. Чальій, не разглядѣвъ Тугая и Бурку, одѣтыхъ въ Польскіе колеты, отчаянно схватился за винтовку, подавъ сигналъ товариству; но услышавъ голосъ Гуни, со смѣхомъ бросился къ нему на встрѣчу, воскликнувъ: охъ, Леонъ! дурную шутку играютъ твои товарищи, нарядившись въ *лядскіе жупаны*; счастье ихъ, что сторожевые козаки олухи, иначе не быть бы этимъ вельможнымъ панамъ въ кошѣ живыми. Наконецъ узнавъ Тугая и Бурку, Чальій съ удивленіемъ спрашивалъ ихъ о причинѣ маскарада.

Усѣвшись въ теплоѣ куренѣ, въ кругу любопытнаго товариства, при тускломъ свѣтѣ *каганца* (плошки), слабо освѣщавшаго отдаленные углы казармы, старинные знакомцы сообщили другъ другу свои похождения, настоящее житѣе-бытѣе и надежды въ будущемъ. Гуня сказалъ Чалому, что онъ останется въ его кочевьи до весны, или доколѣ съчьевое товариство смѣнить не върнаго Грицка.

Чрезъ недѣлю Покрова, — отвѣчалъ Чалый; — въ это время въ Сѣчи распредѣляютъ земли для войсковыхъ обывателей и старшинъ; говорятъ, Грицко захватилъ лучшія земли въ Самарской поланкѣ для своихъ единомышленниковъ, и, слышно, товариство въ чрезвычайномъ волненіи; въ-

роятно недобровать Грицку. Но я не для того говорю *братчику* Леонъ, — добавилъ Савка, смѣясь, — чтобы ты ушелъ отъ насъ, когда Грицко будетъ Гетманствовать *на шибениць* *; голова Чалаго принадлежитъ тебѣ, куренъ его — твой, живи да поживай себѣ на здоровье съ нами, покуда соскучишь. Ты у насъ хлѣба соли не переешь.

Беседа друзей была прервана на время куреннымъ *кухаремъ* (поваромъ), и толпою молодиковъ, которые принесли и поставили на длинныхъ дубовыхъ столахъ кориты съ ухой, сваренною съ свѣже-пойманною Днѣпровскою рыбою. Помолясь предъ образомъ Спаса, стоявшимъ въ углу казармы,

* Висълца.

товариство куреня усьлось на скамьяхъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ свою ложку въ футлярѣ и ножъ во влагалицѣ за поясомъ. Въ красномъ углѣ подь образами, въ концѣ стола, помѣстился Чалый, пригласивъ гостей състь по обѣимъ сторонамъ возлѣ него. — Путники не заставили себя долго просить. Двухъ-суточной постъ въ пути, діэта Гуни и Стефана въ Чигиринскомъ казематѣ, которую Поляки по неволѣ заставляли ихъ держать, — сдѣлали гостей Чалаго не церемонными и молчаливыми, доколѣ круговая чара пѣннику, много разъ обходившая по рукамъ, подь конецъ ужина, развязала уста ихъ.

Гуня, удовлетворивъ необходимѣйшей потребности челоуѣка, голоду, получилъ

всю природную энергію своего характера, магически дѣйствовавшую на товарищѣй его.

Украинець, хотя необыкновеннаго роста, имѣлъ изящнѣйшую пропорціональность во всѣхъ членахъ и природное достоинство приемовъ, которое характеризировало его даже въ быстрыхъ жестахъ, производимыхъ часто возвышеннымъ воображеніемъ. Сердце Гуни, было столь-же гордо, сколь благородно, и каковы бы ни были его подвиги, но чувства всегда напечатлѣвали на нихъ высокій и великодушный характеръ. Гуня зналъ какое имѣлъ вліяніе на дикихъ товарищѣй своихъ; но никогда не хотѣлъ пользоваться этимъ для личныхъ выгодъ, имѣя въ виду возвышеннѣйшую цѣль — спокойствіе и независимость родины.

Будь онъ неладень, этотъ бездушный Гетманъ!—отвѣчалъ Леонъ, на предложеніи Чалаго и товариства, послать депутатовъ въ Сѣчь, съ жалобою, на предательскій поступокъ Грицка, выдавшаго Гуню и Стефана Полякамъ, — пусть онъ сгинетъ лукавый! Мы съ Стефаномъ, не желаемъ судиться съ нимъ, ему и безъ насъ не сдобровать. Въ досужный часъ, при звукахъ осенней бури, лучше наточимъ наши сабли и вычистимъ винтовки на погибель врагамъ несчастной родины нашей, — сильнѣйшимъ нежели Грицко-Ляхъ!

Удивленіе великодушію Гуни, отозвалось говоромъ товариства, жужжавшаго въ курень, подобно рою пчелъ въ ульѣ. Нѣкоторые изъ нихъ воскликнули: да будетъ батько

Леонъ нашимъ Гетманомъ и пускай ведетъ насъ на Ляховъ въ Чигиринъ! Гибель и проклятіе папистамъ!

Нѣтъ, любезные о Христѣ братія мои, отвѣчалъ Запорожецъ, — еще не пора идти на губителей православія, мучителей сиротствующей Украйны, и не я поведу васъ: есть люди хладнокровнѣ меня: моя горячность съдѣляетъ болѣе вреда нежели пользы; я знаю это, и потому не берусь предводить вами, храбрые соотечественники мои! Вотъ дитя моего сердца, мой военный воспитанникъ, сынъ и братъ по уставамъ товариства, сказалъ Гуня, указывая на Стефана, — онъ будетъ некогда предводить вами; онъ готовился къ этому съ дѣтства, получилъ наставленія и благословеніе Пре-

освященнѣйшаго Митрополита Юва, подвизаться за дѣла вѣры, — а я по своему выучилъ его владѣть оружіемъ и конемъ.

Шумныя восклицанія вольницы огласили курень. Трудно было разобрать чего они желали: одни обращались съ просьбами къ Гуню, вести ихъ на Поляковъ; другіе къ Стефану; третьи выхваляли начальника своего Савку, и, вѣрно, кончили-бы состязаніе кулачнымъ боемъ, безъ посредства Леоны, уговорившаго пылкихъ сыновъ степи, не спѣшить въ дѣль, требующемъ общаго сужденія всего войска; не пугать напрасно Поляковъ, которыхъ, полезнѣе застать въ расплохъ по селамъ и городамъ, представивъ Съчевому товариству, первенствовавшему тогда въ Украинѣ, — по многолюд-

ству и независимости своей, — рѣшить выборъ Гетмана если Грицко будетъ удаленъ. При томъ же, Стефанъ и храбрый Савка могутъ подождать еще доколь живъ Трясило - Тарасъ, примолвилъ Гуня, — вы и забыли объ немъ, храбрые мои товарищи?

Говоръ стихъ. Имя Тараса, также какъ имя Гуни, дѣйствовало на умы вольницы. Тарасъ, Полковникъ Корсунскій, былъ храбрѣйшій козакъ того времени, извѣстный подвигами своими въ Малороссіи и Запорожьи.

Нехай буде по твоему батьку, ты знавъ, що сказавъ, — отвѣчали присмирѣвшіе удалцы.

Нарядивъ караулы къ стадамъ и ночные разъезды въ плавню, шумное общество предалось отдохновенію.

Здѣсь мѣсто познакомить читателей съ товарищами храбраго Гуни. Стефанъ, сынъ Генеральнаго Обознаго Ивана Острияницы, (современника и военнаго товарища Гетмановъ: Свирговскаго, Ѳедора-Богдана, Подковы, Шаха и Скалозуба,) рано потерялъ отца, смертельно раненнаго въ грудь при взятіи козаками Трапезунда въ 1590 году. Умирая, Иванъ поручилъ двухъ-лѣтняго сына другу своему, храброму Леону, предоставивъ занять мѣсто отца сиротѣ. Матери, Стефанъ лишился въ тотъ день, въ который самъ получилъ жизнь: несчастная скончалась, успѣвъ только благословить

сына, бывшаго причиною ея смерти. Возвратясь изъ набѣда, честный Леонъ, получилъ долю изъ добычи на часть умершаго, и обративъ все движимое имущество его въ деньги, отдалъ ихъ для сохраненія, до возраста Стефана, въ кассу Кіево-Братскаго монастыря; недвижимыя-же имѣнія Острияницы, по опредѣленію Польскаго Сейма, въ 1597 году, отданы Польскимъ шляхтичамъ, какъ и всѣ имѣнія Малороссійскихъ старшинъ, не принявшихъ Уніи. Бабка Стефана, жившая въ Кіевѣ, у которой Острияница находился послѣ смерти матери, заботилась о его воспитаніи, записала въ училище Кіево-Братскаго монастыря, гдѣ, Стефанъ, въ послѣдніе годы своего ученія, находился подъ особеннымъ покровительствомъ Митрополита, знавшаго

и уважавшаго старика Острианицу. Въ это время, Стефанъ познакомился и подружился съ Украинскимъ шляхтичемъ Семеномъ Буркою, безроднымъ сиротою, учившимся въ Кіевскомъ Езуитскомъ Коллегіумъ, — человекомъ храбрымъ, но хитрымъ по природѣ и образу его воспитанія. Тугай былъ сынъ Кіевского Полковника, учившійся вмѣстѣ съ Стефаномъ въ училищѣ Кіево-Братскаго монастыря.

На девятнадцатомъ году своего возраста, Острианица, препоясавъ отцовскую саблю, поступилъ въ военную школу храбраго Леона, скоро свѣкса съ нимъ, полюбилъ его, какъ роднаго отца.

Первые воинскіе подвиги Стефана, подъ руководствомъ Гунн, были въ Гетманство

Петра Конашевича-Сагайдачнаго. Острианица и Гуня сопровождали его во всѣхъ походахъ и наѣздахъ.

Въ 1625 году, Стефанъ участвовалъ въ походѣ Гетмана Михайла Дорошенка противу Крымцевъ и, въ томъ же году, оставивъ Запорожье, поселился на родинѣ. Въ 1627 году, потерпѣвъ много обидъ отъ Поляковъ, вновь тиранствовавшихъ въ Малороссіи по смерти Сагайдачнаго, онъ уѣхалъ въ Сѣчь; захваченъ невѣрнымъ Гетманомъ Грицкомъ вмѣстѣ съ Гунею и отправленъ въ Чигиринъ, къ Коронному Гетману Конецпольскому.

Вскорѣ по прибытіи бѣглецовъ Чигиринскихъ въ кочевье Чалаго, вольница нахлы-

нула въ Польшу. Гуня и Чалый, опытные въ манёврахъ степной войны, провели удальцовъ мимо Чигирина, гдѣ Конецпольскій покойно зимовалъ съ сильнымъ войскомъ.

ГЛАВА IV.

Въ семи верстахъ отъ села Ольшаны на Волыни, стояла ветхая жидовская корчма. Нѣсколько дюжинъ маленькихъ салныхъ свѣчекъ, плававшихъ въ развѣтвленныхъ мѣдныхъ подсвѣшникахъ на столѣ, визгъ и гамъ множества голосовъ, издали уведомляли путниковъ о шабашѣ обитателей ея. Шмилъ, арендаторъ и откупщикъ пана Гонорскаго, — владѣльца села Ольшаны

и фольварка, вблизи котораго построена была корчма, — съ особенною важностію покачивался у стола въ бѣломъ шерстяномъ саванѣ съ синими по краямъ полосками, въ высокой бобровой шапкѣ и съ подвязанною на лбу шишкою закона, звонкимъ теноромъ напѣвая гимны. Капелія жидовъ, на противоположномъ концѣ стола и по обѣимъ сторонамъ Шмиля, вторила ему, стараясь, по видимому, перекричать запѣвала. У высокой кровати со множествомъ перинъ и подушекъ, въ половину закрытыхъ грязнымъ одѣяломъ, сидѣли толстая Рухля, супруга Шмиля, и нѣсколько жиденятъ въ черныхъ ермолкахъ, обшитыхъ узенькимъ галунчикомъ. Въ углу, возлѣ печки, стояло нѣсколько Руссиновъ, съ омерзѣніемъ глядѣвшихъ на шумное бѣснованіе откупщика и его товарищей.

Когда унялся шумъ и жиды, по видимому уже выбившись изъ мочи, тихо отваркивались отъ неутомимаго запѣвала, одинъ изъ Руссиновъ подошелъ къ столу, и желая обратить на себя вниманіе откупщика, сказалъ грубымъ голосомъ: Ребе-Шмиль!

Откупщикъ вздрогнулъ. *Що-но-ты, Тересько, распустивъ свое горло, небацись цымъ я занимаюсь, — произнесъ Еврей, съ неудовольствіемъ.*

Бачу, вельможный Ребе-Шмиль, да ждать некогда, дитя умреть некрещенымъ, если непоспѣшу привести отца Симона.

Нѣхъ его вишыцы дьяблы везмо тего Симона, мнѣ теперь не до-него, я немогу принять пошлину.

Я самъ кину ее въ сундучокъ, сказалъ встревоженный Терешко. Сдѣлайте милость, вельможный Ребе-Шмиль, дайте ключи отъ церкви ктитору.

Идзь оде-мигъ, кпль, съ своимъ глупствомъ.
Завтра можете выкупать вашего новорожденного, я немогу дать ключа такъ поздно; при томъ же я сказалъ тебѣ, что у насъ шабашъ сего дня.

Я, вельможный добродію, прибавлю одного золотого за то, что вы потрудитесь дать ключъ сего дня. Ей-Богу, дитя умираетъ.

Пусть умираетъ и мертвого можно выкупать; *идзь оде-мигъ* покуда невытолкали въ зашей.

Бѣдный Терешко почесалъ чубъ и со слезами на глазахъ сказалъ неумолимому жиду: прибавлю два золотыхъ, вельможный Ребе-Шмиль; ради Бога, дайте ключъ, не допустите умереть дитя некрещеннымъ.

Жидокъ потерялъ терпѣніе, соскочилъ съ своего мѣста, затопалъ ногами и закричалъ: *хоцъ* талеръ давай, не дамъ ключа; *въ сабасъ* мы ничего неберемъ въ руки. Убирайся подобру, поздорову.

Несчастный Терешко, утирая кулакомъ слезы, вышелъ за порогъ. Ктитору послѣдовалъ за нимъ.

Жидки съ восторгомъ рассказывали какъ храбрый Ребе-Шмиль устранилъ Руссина, своимъ крикомъ и топаньемъ.

Отъ порога подошли къ столу оставшіеся Руссины. Это были десятскіе фольварка.

Шмиль, величаво усѣвшись на прежнемъ мѣстѣ, началъ распрашивать ихъ о полевыхъ работахъ въ тотъ день; грозилъ *батогами*, если они не будутъ выгонять крестьянъ на работу до восхожденія солнца, и кончилъ тѣмъ, что велѣлъ выслать въ поле, завтра, всѣхъ тѣхъ, которые въ прошедшіе дни не выходили рано.

Завтра *недилья*, Ребе - Шмиль; отвѣчали десятскіе: народъ не послушаетъ насъ.

Не послушаютъ, *гицли!* Я завтра-же приведу къ вамъ эскадронъ гусаръ отъ пана воеводы и всѣмъ спущу шкуры.

Воля ваша, вельможный Ребе-Шмиль, сказали десятскіе; а мы знаемъ *добре*, что люди непойдутъ на работу завтра.

Жидокъ вновь соскочилъ съ своего мѣста, началъ шумѣть и грозить, но не окончилъ угрозъ...

Отворилась дверь корчмы, вошли два рослые, дюжіе парня, въ Польскихъ кафтанахъ и, не обращая вниманія на величаваго откупщика, усѣлись за столомъ. Одинъ изъ нихъ небрежно схватилъ шишку, которую Шмиль привязывалъ ко лбу на время молитвы, бросилъ ее подъ столъ и грозно закричалъ, подать гарнецъ меду.

Десятскіе, отошедшіе къ порогу, улыбились.

Шмиль проворно снялъ саванъ, бобровую шапку и ермолку, униженно спрашивалъ пришедшихъ, что они ему изволили приказывать?

Подать меду, *пся въра!* отвѣчалъ одинъ изъ нихъ; а другой добавилъ: и дать ключъ отъ церкви ктитору, котораго не могли выпросить у тебя несчастные Руссины, *проклятый гицль!*

Еврей поблѣднѣлъ. Стопа меду мигомъ очутилась на столѣ; а ключикъ отданъ одному изъ десятниковъ.

Десятскіе вышли. Шмиль и вся капелія *спивакъ* тоже хотѣли улизнуть; но нѣ-

сколько бритыхъ головъ, показавшихся въ дверяхъ корчмы, втолкнули ихъ обратно въ комнату.

Жидки попадали на полу, закрывая глаза полами кафтановъ.

Одинъ изъ прежде вошедшихъ гостей, спросилъ бритыхъ: готово?

Отвѣтъ былъ утвердительный.

Спрашивавшій махнулъ рукою.

Въ мгновеніе ока, жидковъ перевязали, какъ барановъ. Величаваго Шмиля посадили въ мѣшокъ, и прежде чѣмъ онъ очнулся, ватага удамцовъ пустилась крупною рысью къ берегу Синюхи. Откупщикъ болтался въ торокахъ, вспоминая по имен-

но всѣхъ праотцевъ, отъ Сифа до дѣдушки своего Лейзера.

Ветхая корчма, крытая соломой, вспыхнула. Толстая Рухля, жена Шмиля, жиденята, пѣвцы: Исай, Иуда, Лейба и весь шабашковъй причтъ путешествовавшаго откупщика, изжарились въ ней не возвратно.

Ночь была темная и бурная. Въ самой глуши бора, въ оврагѣ, разложенъ былъ небольшой огонь, вокругъ котораго сидѣло нѣсколько челоувѣкъ съ смуглыми загорѣвшими лицами, съ толстыми шеями и дебелыми плечами. У самага огня лежали три челоувѣка. Одинъ изъ нихъ, необыкновеннаго роста, лежалъ на брюхѣ и курилъ табакъ;

прочіе лакомились свинымъ саломъ и кусками ржанаго хлѣба.

Добыли языка? — спросилъ курильщикъ удалцовъ, привезшихъ жида.

Добыли, *батьку*, когда незадохся въ мѣшкѣ.

Ктожъ онъ?

Вельможный откупщикъ пана Гонорскаго, — отвѣчали сиромахи.

Добре хлопцы, отъ мы съ нимъ *поба-лакаемъ* и накормимъ его, чѣмъ Богъ послалъ.

Сиромахи засмѣялись.

Да, онъ очень сердить, *батьку*, — сказалъ одинъ изъ одѣтыхъ въ Польское платье.

Какъ затопаль *патинками* * на ктитора и мужика, просившихъ у него ключъ отъ церкви, такъ я самъ испугался, стоя подь окномъ и глядя на него. Еще, онъ расходился было на десятскихъ фольварка, которые нехотѣли выслать завтра людей на работу, только мы съ Тугаемъ помѣшали его гнѣву. Охъ, проклятый! присмирѣлъ, когда увидѣлъ насъ.

Великанъ улыбнулся и сказалъ: *хоть онъ и сердитенькій трошки*, но мы все таки непустимъ его безъ хлѣба и соли.

Сиромахи вновь засмѣялись.

Между тѣмъ, одинъ изъ бритыхъ усачей, отвязалъ мѣшокъ отъ сѣдла и бросилъ его

* Тугалми.

на землю. Еврей отозвался протяжнымъ визгомъ.

О! живъ проклятый,—замѣтилъ равнодушно усачь.

Мѣшокъ развязали. Дрожавшій отъ страха откупщикъ пана Гонорскаго, предсталъ предъ грозное судилище Гуни и Чалаго. — Это были они въ кругу вольницы. —

Распросы продолжались недолго. Еврей, при убѣдительномъ увѣщаніи ногаекъ, показалъ все, что нужно было знать козакамъ: о числѣ войскъ въ округѣ Ольшаны и о кованыхъ сундукахъ пана Гонорскаго.

Окончивъ допросъ, откупщика накормили остатками сала, которое ѣли Стефанъ и Ча-

льи; потомъ, со всеми припѣвами шабашковыхъ гимновъ, повѣсили на осинѣ.

Усѣвшись на коней, ватага вольницы, подобно стаѣ вороновъ, улетѣла къ Ольшанѣ. Тамъ ожидали ихъ ктиторъ и Терешко.

Ненависть крестьянъ Украинскихъ къ тогдашнимъ владѣльцамъ помѣстьевъ — мучителямъ, простиралась до того, что самые пытки несильны были исторгнуть у нихъ тайну о появленіи въ краѣ *гайдамакъ*. Многіе изъ поселянъ даже дѣйствовали съ ними за одно: при появленіи ватагъ оставляли жилища, семейства, присоединялись къ отрядамъ вольницы, дѣлались путеводителями ихъ.

Ктиторъ и Терешко съ радостію узнали о прибытіи Чалаго, увѣдомили посланныхъ

его о всемъ, что нужно было знать козакамъ, и взялись быть ихъ проводниками.

Окрестивъ дитя, Терешко первый явился у большого креста, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ деревни, гдѣ пересѣкаются дороги, идущія изъ Ольшаны въ Городище и изъ Валява къ Очакову. Ктиторъ поджидалъ гостей у заставы села.

Чалый и Гуня непромедлили. Прибывъ къ назначенному мѣсту, и подъ предводительствомъ Терешки, пробравшись глухими проулками къ палацу пана, окружили его со всѣхъ сторонъ. Отрядъ, подъ начальствомъ Бурки и Тугая, отправился къ корчмѣ на площади. Скоро вопли и пожаръ, вспыхнувшій въ разныхъ мѣстахъ палаца, возвестили о подвигахъ вольницы.

Пань Гонорскій, холостой скряга, захваченъ въ постель.

Въ просторной залѣ, во второмъ этажѣ дома, на полу, разбросаны были тюки съ разными вещами, изломанные стулья, столы и разбитыя зеркала. Гуня, съ трубкою въ зубахъ, сидѣлъ на боченкѣ пороху, принесенномъ изъ подвала; другой боченокъ козаки дѣлили по своимъ патронташамъ. Въ углу лежалъ связанный помѣщикъ, а возлѣ него стоялъ Чальій съ ногойкою въ рукахъ, которою по временамъ чистилъ его, распришивая о червонцахъ.

*Якъ Бога кохамъ, вельможные пань, ни-
мамъ ницъ вѣще!* — вопилъ страдалецъ. —
Но Чальій, приговаривая всѣ слова, кото-

рыми Поляки величали Руссиновъ-схизматиковъ, продолжалъ операцію.

Годи, Савко, отозвался Гуня, наскучивъ воплями Поляка. — *Годи!* ничего невыбѣшь изъ него; козаки обшарили уже всѣ мышинныя норки; ради Бога, *угамуйся, Савко.* Визгъ этаго проклятаго Ляха раздраетъ мои уши. *Въ ренцы пана добродзья!* — воскликнулъ Гуня, прикладываясь къ кубышкѣ съ вишневою, стоявшей возлѣ него и, подаль ея Савкѣ.

Между тѣмъ, покуда Гуня и Чальій хозяйничали въ палацѣ, Бурка и Тугай привели изъ корчмы другаго арендатора пана Гонорскаго, съдаго Еврея Пейсаха, почти нагаго и криваго на одинъ глазъ, для очныхъ

ставокъ съ его патрономъ. Пейсахъ вопилъ, что панъ Гонорскій зарылъ *боцку* червонцевъ въ подвалъ и молилъ козаковъ отпустить его, за открытіе такого важнаго секрета.

Гуня, улыбнувшись, сказалъ Чалому въ полголоса: я увѣренъ, что проклятый жидъ лжетъ, желая чѣмъ-нибудь избавиться отъ побоевъ и смерти. Впрочемъ мнѣ не жаль и *ляха*, попробуй, *Савко*. . . .

Чалый вновь принялся за ногойку. Полякъ не признавался. Жидъ доказывалъ: какая была бочка, сколько на ней желѣзныхъ обручей, и даже сколько въ ней обрѣзанныхъ червонцевъ, перешедшихъ черезъ его *цесныя* руки. Полякъ рѣшительно не признавался.

Гуня покрутилъ усы и призадумался; потомъ вставши съ боченка, сказалъ: *Стривай, Савко!*

Чалый посторонился.

Великанъ, схвативъ полумертваго Поляка въ одну руку, а жиду въ другую, и положивши ихъ одного сверхъ другаго на раскупоренный боченокъ съ порохомъ, сказалъ товарищамъ: *бижить, хлопци!* готовъ былъ бросить свою люльку * въ порохъ.

Чалый, козаки и шляхтичъ, ахнули; а Пейсахъ благимъ матомъ завонилъ: вносить, вельможные паны: я обогалъ пана

* Трубку.

Гонорскаго, у него никакого боченка съ червонцами не было и нѣтъ. *Змилуйтесь, вельможные паны, добродѣты!*

Отъ-бачь, Савко, — сказали равнодушно Гуня, — *я тобі казавъ, що жидъ бреше*, и съ этими словами, схвативъ Пейсаха и шляхтича, — обоихъ вмѣстѣ, — выбросилъ ихъ въ открытое окно, примолвивъ: проклятый *цокуръ-жидъ* и *замллыи ляхъ*, родные братья, *нехай* и въ *пекло* явятся вмѣстѣ; — намъ же, *Савко*, пора убираться, покуда еще спитъ славный Воевода Брацлавскій.

Между-тѣмъ, почти весь палацъ объятъ былъ пламенемъ. Чалый и Гуня спѣшили убраться на дворъ. По уходъ вольницы,

пламя охватило залъ, послѣдовалъ взрывъ. Съ дымомъ и чадомъ, проклятое гнѣздо стараго скряги! — примолвилъ Гуня.

Увязавши добычу на вьючныхъ коней, отрядъ Чалаго переправился на правой берегъ Синюхи, и пустился крупнымъ галопомъ по направленію къ мѣстечку Ольховцу. Но это была только военная хитрость со стороны вождей вольницы, по позднему осеннему времени, помышлявшихъ уже не о вторженіи внутрь Польши, а объ обратномъ маршѣ въ кочевье. Проскакавъ нѣсколько миль, удалцы повернули на лѣво въ боръ, пробрались небольшими отрядами къ Синюхъ, переплыли обратно на лѣвой берегъ ея, и залегли въ оврагахъ, ожидая вечера.

Не навѣдаться-ли намъ въ шляхетскія околицы, къ любезнымъ землякамъ нашимъ, Уніятамъ? сказалъ Гуня Чалому, отогрѣвая окоченѣвшія свои руки у пылавшаго огня; — тамъ мы достанемъ фуры для нашихъ тяжестей, а между-тѣмъ увидимъ, какъ это новое поколѣніе дворянъ Польскихъ, живетъ на новосельи.

Чалый не противорѣчилъ. Согласились послать Стефана, Бурку и Тугая, переодѣтыхъ въ Польскія платья, въ Новое-Място, усадьбу Уніятъ, съ тѣмъ, что бы два изъ нихъ остались тамъ до ночи, а одинъ увѣдомилъ вождей вольницы, о чемъ нужно было знать предварительно.

Въѣхавъ въ мѣстечко, посланные Гуни и Чалаго, остановились въ корчмѣ, единствен-

номъ въ то время пристанищѣ для проезжихъ, и сборномъ мѣстѣ для доможилыхъ гулякъ. День былъ воскресный. Посѣтители Ребе-Исае не помѣщались въ комнатахъ и просторныхъ сѣняхъ аренды. Пестрая толпа отступниковъ-Украинцевъ, въ національныхъ Малороссійскихъ нарядахъ, составивъ хороводы, веселились, неподозрѣвая опасности, и даже, не зная ничего о случившемся въ Ольшанѣ. Огрядъ латниковъ, шляхтичей Польскихъ, принадлежавшій къ корпусу воеводы Брацлавскаго, шедшій въ Чигиринъ къ главной арміи, нежелая брататься съ Руссинами, которыхъ, несмотря на Уніатство, считали они ниже себя по происхожденію, отдѣльно пировалъ въ просторной комнатѣ корчмы, гдѣ самъ вельможный Ребе-Исай служилъ имъ, поднося пиво, медъ

и вишневку, сначала цѣльные и неподѣльные, потомъ весьма экономно разбавленные водицей изъ Выси, величественно протекавшей чрезъ Новое-Място и раздѣлявшей его на двѣ неровныя половины. Ребе-Исай былъ арендаторъ меньшей половины мѣстечка, по правую сторону рѣки, а Лейзеръ-Пархъ откупалъ лѣвую, многолюднѣйшую часть и, эти черныя пѣявки, вилили страшную, непримиримую вражду другъ къ другу, не шабашевали вмѣстѣ, даже несходились въ синагогъ въ Тарговищѣ, куда они ѣздили на богомолье изъ Новаго-Мяста. Пану Зтечинь, владельцу Новаго-Мяста, получавшему не малую плату за аренды корчмъ, много стояло хлопотъ, разбирать ежедневно жалобы откупщиковъ другъ на друга, и слушать сплетни

разряженныхъ супругъ Ребе-Исай и Лейзера-Парха, имѣвшихъ свободный входъ въ палацъ пана, по уваженіе знаменитости мужей ихъ и мѣшечковъ съ талерами, которые арендаторши носили Зтечинь каждое воскресенье, по порученію супруговъ.

Ты далъ мнѣ пиво пополамъ съ водою, проклятый Іуда! закричалъ усатый вахмистръ отряда латниковъ воеводы Брацлавскаго, выплеснувъ пиво въ лицо жида. Подай лучшаго, или я тебѣ *лайдакъ!*... Вахмистръ замахнулся на арендатора кулакомъ.

Жидокъ отряхиваясь, униженно извинялся предъ шляхтичемъ, что по ошибкѣ работника, поднесшаго не ту енлову, онъ вѣроятно подалъ ему второй сортъ пива,

гарнецъ котораго стоитъ шесть грошей, — засуетился поднести лучшаго, а между тѣмъ, приписалъ мѣлкомъ на стойкѣ и тотъ гарнецъ, который струился по бородѣ его и песьямъ. *Проше, вельможный добродзю, тень-разъ южъ пиво марцове*, котораго, въ подвалахъ пана Зтечины, осталось только два анкера, — сказалъ арендаторъ улыбаясь, и поднося пиво вахмистру.

Шляхтичъ, довольный объясненіемъ жиды, принялся кружить съ своими коллегами. Въ это время вошелъ въ комнату Стефанъ; Бурка и Тугай, вмѣшались въ толпу Руссиновъ, внѣ корчмы.

Усѣвшись за столъ, Острияница потребовалъ меду; подчивалъ имъ вахмистра

и прочихъ шляхтичей. Такимъ образомъ, составилось знакомство, начались распросы. Стефанъ долженъ былъ гадать, что вспало на мысль.

Вахмистръ предложилъ Острияницѣ поступить подъ знамена славнаго воеводы Брацлавскаго, и провозгласилъ нѣсколько тостовъ за здоровье Короля, о благоденствіи Республики, и т. п. — какъ водилось тогда.

Запорожецъ пилъ молча.

Наконецъ, когда пиво, медъ и вишневка, обильно подносимые услужливымъ Ребе-Исаемъ, по требованію вахмистра, развеселили шумное общество, Стефанъ объявилъ о желаніи своемъ пристать до *вербунку*, выкинулъ жиду нѣсколько червонцевъ, — и заяв-

залась отчаянная попойка. Шляхтичи пили даровое, не провозглашая уже заздравныхъ тостовъ Королю, Воеводѣ и прочимъ панамъ. Бурка и Тугай, по приглашенію Острияницы, приняли на себя обязанности угостителей, и увѣряли вахмистра, что они тоже готовы завербоваться въ панцырники Воеводы Брацлавскаго.

Музыка, пѣсни и возгласы одурѣвшей шляхты оглашали корчму.

Уладивъ дѣло по желанію, въ усадьбѣ Уніятъ, Стефанъ уѣхалъ обратно въ боръ на берегу Синюхи.

День склонился къ вечеру. Вахмистръ лежалъ безъ чувствъ и что-то грѣзилъ во снѣ;

большая часть панцырниковъ тоже недвижимо растянулись въ сѣняхъ корчмы; остальные, затягивая пѣснь *Вандъ*, кончали остатки пива, меду и горьлки, купленныхъ услужливыми Запорожцами. Охмѣльшіе обыватели Нового-Міаста, съ жонами и домочадцами, начали расходиться по домамъ; а нѣкоторые, вспомнивъ прежнее козацкое житѣе, улеглись около корчмы, на лоно общей матери-сырой земли.... Накоонецъ, остальные непобѣдимые шляхтичи, тоже успокоились на лавкахъ въ жилищѣ Ребе - Исая. Бодрствовали Бурка и Тугай.

Настала ночь. Ватага Чалаго и Гуни, двинулась къ Новому-Міасту. Не доходя села, удамьцы раздѣлились на четыре отряда,

окружили мѣстечко со всѣхъ сторонъ. Оставивъ половину людей въ полѣ съ лошадьми, другая половина пѣшихъ бросились въ село, зажгли его со всѣхъ сторонъ, принялись грабить дома и убивать безопасно спавшихъ жителей. Латники воеводы Брацлавскаго и семейство Исая были первыми жертвами немилосердыхъ Запорожцевъ. Корчму окружили и зажгли; выскочившихъ было изъ нее Поляковъ, бросили обратно въ пламя; заснувшихъ около аренды Уніатовъ, изрубили; такой-же участи подверглись Лейзеръ-Пархъ, соперникъ Исая—арендаторъ лѣвой стороны, и всѣ обитатели мѣстечка, взрослые мужчины; одинъ-лишь панъ Зтечина, на неосѣданномъ конѣ, ускакалъ въ Чигиринъ. Семейство его, жены и дѣти несчастныхъ шляхтичей Уніатовъ,

по великодушію Гуни, избѣгли смерти; но уведены въ плѣнъ и послѣ проданы Булжакскимъ Татарамъ.

Новое-Місто составляло одинъ изъ посадовъ несчастныхъ козаковъ Малороссіянъ, избѣгавшихъ гоненій и обратившихся въ Унію. Бѣдные люди эти, при всякомъ наездѣ вольницы, первые подвергались мщенію раздраженныхъ соотечественниковъ. Имъ, и жилищамъ ихъ, не давали никакой пощады.

Вѣсть о разореніи Ольшаны и Новаго-Міста скоро достигла къ воеводѣ Брацлавскому, жившему тогда въ Малороссіи, въ Переяславѣ. Огряды Польскихъ гусаръ разсыпавсь по всей Подоліи. Поздняя

предосторожность: удалцы, нагрузивъ жидовскія и шляхетскія подводы добытымъ добромъ, усадивъ плѣнниковъ въ повозки, въ два перехода, очутились въ верховьяхъ Ингула, въ Черномъ лѣсу. Раздѣливъ добычу поровну, Гуня и Чалый, переправились черезъ Днѣпръ у сухаго Омельника и прибыли обратно въ кочевье Чалаго.

Настала суровая зима, глубокой снѣгъ покрылъ плавню. Обитатели кочевья, начали чувствовать недостатокъ въ състныхъ припасахъ, особенно въ живности. Стада барановъ отнятыя у Ногайцевъ, по недостатку въ кормъ, околѣли; рыболовство въ Днѣпръ, по причинѣ ежедневныхъ мятелей, по толстотѣ и неровности льда, было невозможно; оставалась, одна звѣриная охота,

но и этимъ промысломъ нельзя было ежедневно добывать пропитаніе. Козаки роптали, готовы были вновь нахлынуть въ Польшу. Чалый и Гуня съ трудомъ могли уговаривать ихъ. Наконецъ, собравши нѣкоторую сумму денегъ, предводители козаковъ, послали Тугая и Бурку, закупать рогатой скотъ въ соседнемъ Полтавскомъ полку.

Въ такомъ видѣ были дѣла въ кочевьи Чалаго, подъ конецъ зимы.

ГЛАВА V.

Не такъ проводили зиму на берегу Тясмина. Концепольскій, укомплектовавъ войска, усиливъ гарнизоны въ городахъ, давалъ ежедневные пиры, придумывалъ разнаго рода увеселенія. Знатнѣйшее дворянство Польское, стекалось въ Чигиринъ, желая служить подъ начальствомъ храбраго, умнаго вельможи; попировать въ кругу прелестныхъ, доколь грозный богъ брани

позоветъ ихъ къ другимъ болѣе шумнымъ занятіямъ.

Среди увеселеній, Гетманъ—домоводъ, имѣвшій обширныя помѣстья въ Украинѣ, не забывалъ заниматься хозяйствомъ. Въ Чигиринѣ съѣжались толпы откупщиковъ жидовъ и экономовъ шляхтичей, привозившихъ дани Руссиновъ, окропленныя слезами несчастныхъ и составлявшія, можетъ быть, самую малую долю того, что получили въ свою пользу собиравшіе ихъ. Гетманъ зналъ это: но зло было неотвратимо.

Главнѣйшіе предметы доходовъ тогдашнихъ помѣщиковъ въ Малороссіи Поляковъ, составляли: аренды Греко - Россійскихъ

церквей, откупы сель, пахатныхъ, луговыхъ и пастбищныхъ земель, корчмъ, и поголовная дань съ обывателей.

Въ Чигиринѣ готовились праздновать новый годъ. На канунъ 1 января, замокъ изъ-внутри и снаружи запылалъ огнями. Тысячи плошекъ и восковыхъ свѣчей обратили въ день мрачную декабрьскую ночь. Дамы въ великолѣпныхъ одеждахъ, плавали въ пахучей атмосферѣ огромныхъ залъ палаца; кавалеры въ красивыхъ кунтушахъ, молодые съ нафабранными усиками, старые—съ сѣдыми небрежно растрепанными *волсами*, ловко увивались около прелестныхъ. Въ гостинной лазореваго цвѣта, устланной дорогими персидскими коврами, убранный штофами, венеціанскимъ бархатомъ

и атласомъ, стояла дама прекраснаго роста, уже немолодая, но все-еще превосходившая красотою окружавшихъ ее, сіявшая алмазами и изумрудами. Діадемъ, сдѣланный въ видѣ вѣнка изъ полныхъ колосьевъ пшеницы, осыпанныхъ бриліантами, украшалъ величественное чело ея. Это была хозяйка дома, жена Гетмана Фелиція, привѣтливо принимавшая гостей. Дочь ея Гортензія, прелестная дѣвушка, помогала матери; но часто, заболтавшись съ молодыми рѣзвухами подругами ея, пропускала цѣлыя группы посѣтительницъ, безъ форменныхъ привѣтствій. Фелиція никого не оставляла безъ вниманія: супругъ зватѣйшихъ Магнатовъ чинно усаживала въ мягкія кресла, мушницъ привѣтствовала обязательной улыбкой. Гетманъ, послѣ обычныхъ привѣтствій

гостямъ, забившись въ одинъ изъ отдаленныхъ угловъ танцевальной залы, толковалъ тамъ съ отборнѣйшею знатью о политикѣ и тогдашнихъ смутныхъ Украинскихъ дѣлахъ.

Заиграла музыка; всё общество зашаркало въ польскомъ. Обошедши нѣсколько разъ пріемные покои палаца, съдые усачи раскланялись съ дамами и усѣлись въ отдаленныхъ комнатахъ за шахматныя доски, съ пѣнившимися кубками меду въ рукахъ. Молодые закружились въ граціозномъ мазурѣ.

Въ комнатахъ, гдѣ сидѣли играющіе, кубки пустѣли; былъ слышенъ шумный говоръ.

Шахъ королю, панъ Пулковнику! сказали Воевода Черниговскій инженеру Боплану, Французу, служившему у Короля Польскаго Сигизмунда III. — Еще шахъ!

Боюсь скоро будетъ шахъ и мать, отвѣчалъ Французъ, улыбаясь: пѣшки и кони, окружили и стѣснили бѣднаго моего короля.

Воевода непонялъ сарказма.

Въ то время, къ которому относится нашъ рассказъ, властолюбіе Магнатовъ Польскихъ немѣло уже предѣловъ: священная власть Короля была уничижена, попрана; соседнія Государства начали развивать свои силы, приобрѣтать знаменитость

подъ управленіемъ мудрыхъ властителей, благодѣтелей народа; Польша сдѣлала шагъ къ анархіи, терзавшей ее въ теченіи полутора-вѣка.

Прочіе играющіе продолжали пить, спорить и шумѣть, часто прибѣгая къ суду дамъ, а чаще, къ лѣзвею палаша: въ благословенный вѣкъ рыцарства Польши, последнее было ни-почемъ.

Такъ проводили время въ пріемныхъ комнатахъ палаца.

Между тѣмъ, смиренно-лукавые Езуиты, наводившіе собою Польшу болѣе всѣхъ земель католическаго міра и толпившіеся также въ станѣ Конецпольскаго, устроили въ оружейной палатѣ замка,

великолѣпный, по тогдашнему, театръ, гдѣ ученики ихъ готовились играть нѣсколько ораторій. Самая блистательная, и мучительно-продолжительнѣйшая изъ всѣхъ піесъ, написанныхъ къ тому дню клевретами честолюбиваго Іерарха Западной церкви, была Сампсонъ, поражающій Филистимлянъ. Ораторія эта заключала лесть Езуитовъ, уподоблявшихъ Конецпольскаго—Сампсону, несчастныхъ Руссиновъ—Филистимлянамъ. Сытный ужинъ заключилъ празднество. Новый годъ въ Чигиринѣ, встрѣтили (какъ и вездѣ встрѣчаютъ его), съ пѣнящимися кубками шампанскаго въ рукахъ.

На другой день Гетманъ объявилъ о большомъ полевани въ плавнѣ. Мѣстомъ

създа назначено село Вороновка, на берегу Днѣпра, принадлежавшее къ староству Чигиринскому.

Охота была однимъ изъ самыхъ любимыхъ удовольствій Польскаго дворянства въ Украинѣ. Въ прибрежныхъ мѣстахъ Днѣпра, особенно занимались ловомъ серня. Робкія животныя эти, бродившія цѣлыми стадами въ плавнѣ, попадались даже въ степяхъ на довольное растояніе отъ берега, вмѣстѣ съ стадами сайгаковъ, особенно, когда полая вода заливала большую часть плавни. Помѣщики, съ толпами слугъ, собираясь въ удобныхъ мѣстахъ съ ружьями, тенетами и капканами, заставляли конныхъ людей, съ борзыми собаками, гонять серня къ засадамъ съ степи и не-

занятыхъ водою луговинъ. Почти также охотились зимою: разставивъ тенета, капканы и охотниковъ съ ружьями, по тропинкамъ, проложеннымъ на снѣгу сернами, старались согнать ихъ съ логовищъ. Испуганныя животныя стремились въ разныя стороны и находили смерть.

Извѣщенія о большомъ полеваньи, назначенномъ Концепольскимъ, предварительно разосланы были всѣмъ окружнымъ помѣщикамъ, пріѣхавшимъ въ условленной день въ Чигиринъ, съ стаями собакъ и охотниками. Толпы оборванныхъ, голодныхъ крестьянъ, согнанныхъ для облавы, дрогли въ Вороновкѣ нѣсколько дней, ожидая немилостивыхъ своихъ пановъ, распивавшихъ въ Чигиринѣ бутылки токая и не думав-

шихъ о горькомъ положеніи несчастныхъ Руссиновъ.

Наконецъ назначенъ день выезда. Прошло шесть часовъ вечера, и кавалькада охотниковъ пустилась въ дорогу. Впереди ѣхали слуги съ смоляными факелами. Жена и дочь Гетмана, въ сопровожденіи свиты дамъ и дѣвушекъ-посѣтительницъ, слѣдовали за ними. Каждая дама имѣла своего кавалера. Коронный Гетманъ съ почетнѣйшимъ дворянствомъ, ѣхалъ позади дамъ. Звержицкій, на этотъ разъ оставивъ Гетмана, былъ возлѣ Гортензіи.

Поездъ, побуждаемый январскимъ холодомъ, поспѣшилъ къ мѣсту ночлега.

Экономъ старосты въ Вороновкѣ, очистилъ палаць и службы, для принятія гостей. Дамы, Гетманъ и знатнѣйшіе вельможи помѣстились въ главномъ корпусѣ, имѣвшемъ во всю длину зданія, къ югу, прекрасную теплицу для рѣдкихъ растеній. Прочіе гости заняли флигеля.

Послѣ ужина общество разбрелось по многочисленнымъ комнатамъ. Гортензія и нѣсколько подругъ ея заняли небольшой кабинетъ, имѣвшій выходъ въ теплицу.

Все еще покоилось, лишь изрѣдка перекликались чуткія гуси, соскучивъ сидѣть въ заперти на черномъ дворѣ палаца. Конецпольскій вельвъ трубить сборъ, самъ прошолъ въ теплицу. Сидя у окна, устре-

милъ онъ взоръ на величественный Дибирь, закованный въ толстую броню льда, ломавшагося нѣсколько разъ и опять застывающаго въ видѣ руинъ, и большихъ отломковъ скаль, взгроможденныхъ одна на другую. Тревожныя мысли волновали его душу. По образу воспитанія и уму, чуждый преразсудковъ, Конецпольскій испытывалъ въ это время страхъ, непонятный для челоука чувственнаго, сисящагося разгадать ощущенія внутреннія, духовныя, по образцамъ внѣшнимъ. Картина избражденной рѣки, полу-свѣтъ утра, и торжественное молчаніе оледенѣлой природы, усиливали его тоску.

Гетманъ вышелъ на обширный дворъ палаца, осмотрѣлъ лошадей, заглянулъ въ псарню, и пожуривъ сонливыхъ охотниковъ,

не думавшихъ еще сѣдлатъ коней, возвратился въ комнаты, ни сколько неразсѣявъ тайной грусти своей.

Звукъ трубы скоро поднялъ на ноги всѣхъ обитателей палаца и села.

До восхожденія солнца, повѣздъ охотниковъ тронулся къ плавнѣ. На этотъ разъ, дамы помѣстились въ крытыхъ зимнихъ возкахъ, кавалеры были верхомъ. Опытный ловчій разставилъ охотниковъ въ приличныхъ мѣстахъ; толпы добъзжачихъ и стремянныхъ, съ длинными бичами въ рукахъ, сопровождаемые стаями собакъ, и Русинами, плохо обутыми въ *постолы*, * и

* Башмаки изъ невыдѣланной кожи.

одѣтыми въ лохмотья, разсыпались на нѣскольکو версть. Звукъ роговъ, крикъ людей, и гамъ собакъ, огласили плавню. Робкія животныя, на которыхъ устремилась вся эта толпа, поднявшись съ логовищъ, разбѣжались по тропинкамъ, въ разныхъ направленіяхъ. Вездѣ были слышны выстрѣлы, залпы, возгласы безжалостныхъ охотниковъ, — предъ-смертныя стоны сернѣ.

Какъ вы находите нашу охоту, любезная кузина? Спросилъ Звѣржицкій, панну Юлію, дочь воеводы Кіевского, сидѣвшую въ одномъ возкѣ съ Гортензіей.

— Это не охота, а бойня беззащитныхъ животныхъ, отвѣчала простодушно дѣвушка; — толи дѣло полеванье на кабановъ и

медвѣдей! Последнее, досталось мнѣ видѣть въ округѣ Сосницъ, куда насъ съ батюшкой пригласилъ Воевода Черниговскій, но оно печально кончилось

Слова Юліи заинтересовали дамъ, уставшихъ глядѣть на убійство несчастныхъ животныхъ. Всѣ начали просить ее разсказать про медвѣжью охоту въ Сосницѣ.

Разсказъ мой не длиненъ, отвѣчала Юлія, — и чтобы разогнать вашу скуку, которая, въ соединеніи съ холодомъ, скоро усыпитъ всѣхъ насъ, или заставитъ васъ скорѣе заснуть, если разсказъ мой будетъ скученъ, — я готова начать. Прошу вниманія!

Кавалеры составили кружокъ возлѣ экипажа.

Охота на медвѣдей, начала дѣвушка, — имѣть то преимущество, что храбрые наши охотники могутъ показать въ ней всю силу свою, искусство и ловкость; но малѣйшая неосторожность съ ихъ стороны можетъ стоить жизни. Въ Сосницѣ я видѣла этому печальный опытъ. Мы стояли на опушкѣ лѣса; охотники были разставлены въ приличныхъ мѣстахъ; литовскіе крестьяне, вытребованные нарочно изъ Польска, съ желѣзными шпильями, вдѣланными въ деревянные кружала, были отправлены во внутренность лѣса. Не долго мы дожидали: Литовцы подняли цѣлое семейство страшныхъ обитателей бора: огромнаго медвѣдя, медвѣдицу и нѣсколько медвѣжатъ, довольно уже большихъ. Медвѣдь-отецъ, пустился въ нашу сторону. Возлѣ

нашего экипажа стоялъ Графъ Соверень, сынъ Французскаго Посланника, храбрый, ловкій, молодой человекъ, но, къ несчастію, опрометчивый. Соверень вызвался застрѣлить звѣря, и не смотря на возраженія, крики, и просьбы наши, помчался къ лѣсу. Осадивъ коня, Графъ выстрѣлилъ изъ винтовки: пуля прожужжала мимо. Звѣрь, перемѣнивъ торжественное шествіе свое на заднихъ лапахъ, ринулся со всѣхъ ногъ на охотника. Соверень выстрѣлилъ изъ пистолета; но не успѣлъ повернуть лошадь, какъ медвѣдь опрокинулъ ее и растерзалъ. Графъ пустился бѣжать пѣшкомъ въ нашу сторону, вѣроятно надѣясь, что противникъ его не будетъ преслѣдовать. Не такъ случилось:

медвѣдь, перепрыгнувъ чрезъ бездыханнаго коня, подобно шару покотился за Графомъ.

Медвѣдь уже былъ шагахъ въ трехъ отъ жертвы. Тутъ онъ выпрямился на заднія лапы и развелъ переднія, будто собираясь обнять противника. Но въ тотъ-же мигъ, храбрый молодой человѣкъ, остановившись, выхватилъ ятаганъ, ударилъ имъ медвѣдя такъ сильно, что кровь брызнула густою струей. Звѣрь остановился, и перевернулся кругомъ, испустивъ ревъ, отозвавшійся эхомъ въ лѣсу. Снова кинулся онъ на врага, и между ними началось страшное единоборство, котораго конецъ не могъ, къ несчастію, долго быть сомнителенъ. Отъ бѣшенства, медвѣдь, казалось, не чувствовалъ наносимыхъ ему ударовъ. Онъ не только не

уклонялся отъ желѣза, которое безпрестанно тонуло въ его тѣлѣ, но смѣло наступалъ на противника, разинувъ пасть, изрыгая изо рта пѣну, сверкая глазами, и оцетинивъ шерсть. Одинъ видъ разъяреннаго чудовища заставилъ-бы содрогнуться самаго привычнаго охотника. Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда изъ лѣса показались наконецъ нѣсколько охотниковъ.

Ради Бога! закричалъ одинъ изъ нихъ, какъ скоро приблизился на разстояніе голоса:—держитесь Графъ, держитесь! и готовъ былъ стрѣлять изъ винтовки; но медвѣдь сломилъ бѣднаго молодого человѣка, и они повалились оба бездыханны. Графъ, уже въ лапахъ звѣря, распоролъ ему брюхо до самой груди.

Вотъ мой смутный разсказъ объ охотѣ въ Сосницѣ, примолвила дѣвушка.

Въ это время кустъ травы, называемой въ степяхъ *перекати-поле*, занесло вѣтромъ подъ ноги лошадей, запряженныхъ въ экипажъ: онѣ сполосились и понесли; кучеръ, окоченѣвшій отъ холода свалился съ козель; возокъ опрокинулся и дамы упали въ снѣгъ. Изъ всѣхъ досталось Гортензій: бѣдная дѣвушка, ударившись грудью о пень ивы, за который зацѣпился экипажъ, лежала безъ чувствъ.

Непріятное происшествіе это прекратило полеванье.

ГЛАВА VI.

Скучно текли дни въ Чигиринѣ послѣ печальнаго приключенія съ дочерью Гетмана. Балы и увеселенья прекратились. Гортензія слегла въ постель. Отецъ и мать ея были въ отчаяніи.

Весна смѣнила зиму, настала май, цвѣтушій, прелестный. Здоровье Гортензій не поправлялось, она угасала съ каждымъ днемъ.

Въ это время Конецпольскій узналъ, что Запорожцы умертвивъ Гетмана Грицка, избрали предводителемъ своимъ Тараса Тряспу, выступили съ значительнымъ числомъ орудій къ Переяславию и тамъ окопались въ укрѣпленномъ лагерѣ; и что толпы Украинцевъ ежедневно перебѣгаютъ къ нимъ.

Гетманъ не сомнѣвался уже въ необходимости кровопролитія; но не могъ оторваться отъ одра любимой дочери. Рѣшились перевезти ее водою въ Трахтимировъ.

Въ исходъ мая, Польская армія выступила въ походъ. Гортензія и Фелиція путешествовали въ великолѣпной яхтѣ.

По прибытіи въ Трахтимировъ, Конецпольскій занялся переправою войскъ на

лѣвой берегъ Днѣпра. Жена и дочь его перѣехали въ городъ.

Армія была усилена отрядомъ, подъ начальствомъ Воеводы Брацлавскаго, Старосты Переяславскаго, сформированнымъ въ Литвѣ на его счетъ, и приведеннымъ Старостою въ лагерь.

Малороссійское козацкое войско, въ короткое время увеличившееся до 30,000 человекъ, въ укрѣпленномъ лагерѣ своемъ, спокойно ожидало неприятеля. Конецпольскій прямо повелъ атаку на станъ козацкій; нѣсколько дней сряду старался ворваться въ него, но тщетно. По видимому, Малороссіяне, оборонявшіеся отчаянно, не осмѣливались дѣйствовать наступательно.

Не такъ было: планъ компаніи оказался обдуманнѣмъ со стороны вождей ихъ, и хитрость, какъ увидимъ послѣ, взяла верхъ надъ искусствомъ Конецпольскаго, поступившаго впрочемъ, безопасно, и подтвердившаго печальнымъ опытомъ слова известнаго полководца: что большее число армій разбиты не отъ трусости воиновъ, но отъ излишняго пренебреженія къ неприятелю, почитаемому слабымъ.

Двѣнадцатаго іюня Гетманъ получилъ извѣстіе изъ Трахтимирова, что дочь его, послѣ осьми часоваго обморока, начала поправляться въ силахъ и что врачи имѣютъ полную надежду на ея выздоровленіе.

Радостную вѣсть эту привезъ въ лагерь Звѣржицкій, котораго Гетманъ оставилъ въ Трахтимировѣ, по просьбѣ Фелиціи, открывшей благородному Конецпольскому о любви Гортензіи и Звѣржицкаго. Воевода Брацлавскій, человекъ вѣтренный, непостоянный, по видимому, уже самъ отсталъ отъ искательства руки Гортензіи, когда увидалъ ее на смертномъ одрѣ исхудавшую, обезображенную болѣзнію. Непостоянство Воеводы уязвило гордость Гетмана, и онъ далъ слово у одра умирающей дочери, что рука ея, по выздоровленіи, будетъ принадлежать Звѣржицкому, храброму, благородному юношѣ, подававшему большія надежды въ будущемъ. Такимъ образомъ сватовство воеводы Брацлавскаго рушилось.

Звѣржицкій былъ въ изступленіи отъ радости, упалъ къ ногамъ Гетмана (когда они остались наединѣ), и лобызая его руки и колѣни, клялся заслужить любовь храбраго Станислава подвигами въ службѣ Ресублики, подражая въ этомъ благородному тестю своему, получившему руку Фелиции, какъ награду его храбрости, отъ знаменитаго Гетмана Короннаго, Станислава Жолкъвскаго.

Вѣсть о выздоровленіи Гортензіи пришла наканунѣ праздника Тѣла-Господня. Гетманъ, не ожидая отъ козаковъ наступательныхъ дѣйствій, и желая ознаменовать радость свою торжествомъ, безопасно раздавалъ нужныя приказанія къ этому, отбѣнивъ даже самыя атаки на лагерь

непріятельскій. Староста Переславскій большой весельчакъ и *піакъ*, съ другими вельможами, по обычаю того времени неуступавшими ему въ молодечествѣ, наводнили лагерь венгерскимъ, медомъ и пивомъ. Праздникъ начали встречать наканунѣ, въ палаткѣ Старосты, отчаянной попойкой, ошеломившею на весь слѣдующій день главнѣйшихъ военачальниковъ Польскихъ.

Съ наступленіемъ утра Конецпольскій назначилъ большой парадъ. Послѣ мши и молебна, все начальники отрядовъ собрались въ ставкѣ Гетмана. Солдатамъ выкачены были бочки пѣннику, меду и пива и, поставлены огромныя чаны съ плавающими въ нихъ ковшами. Въ съѣдо-

момъ тоже не было недостатка: быки коровы и стада овецъ, принадлежавшія несчастнымъ Руссинамъ, не пощажены.

Прекрасную картину представляли группы воиновъ, въ разноцвѣтныхъ одеждахъ, усѣвшіеся за походную трапезу, возлѣ длинныхъ рядовъ досокъ, положенныхъ на низкихъ подмосткахъ. — Ковши двигались кругомъ, быки и бараны исчезали.

Виватъ, Республика, яснѣйшій Круль и вельможный Гетманъ великій, Станиславъ! — воскликнулъ усатый вахмистръ Зарембы, знакомый уже намъ въ Чигиринѣ. — Раздался гулъ; стопы опорожнены.

Послѣ обѣда, старые, втянувшіеся уже витязи продолжали бражничать до поздней ночи, прикрывая охоту свою выпить, желаніемъ вожденнаго здравія начальникамъ, — каждому порознь, красавицамъ, оставшимся на родинѣ, и наконецъ, — за здоровье того, кто любить кого.

Молодые жолнеры составили хороводы подъ звукъ торбана, инструмента весьма любимаго въ Польшѣ, чрезвычайно благозвучнаго, и можетъ быть, лучше всѣхъ инструментовъ въ мірѣ выражающаго живые, рѣзвые звуки національныхъ Польскихъ напѣвовъ.

Крыластый гусарь, занимая мѣсто дамы, носился въ граціозномъ мазурѣ съ широко-

плечимъ усатымъ панцирникомъ, отчаяно побрякивавшимъ шпорами. Королевскій жолнеръ, съ палевыми отворотами, порхалъ подобно чижику, съ гвардѣйцомъ, похожимъ на щегленка. Козаки—отступники родины и вѣры, въ широкихъ красныхъ шальварахъ, саетою которыхъ можно было одѣть двухъ Австрійскихъ солдатъ (тоже имѣвшихъ красные стиблеты), выпясывали чуждый для нихъ краковякъ; и наконецъ, Нѣмецкіе солдаты, служившіе въ Коронномъ войскѣ по найму, кружились въ безконечномъ вальсѣ, запивая каждый кругъ ковшомъ мартовскаго пива.

Пиръ, какъ говорится, былъ горой.

Въ ставкахъ военачальниковъ и Гетмана, венгерское лилось рѣкою; пили до упаду.

Шумѣли, спорили, обращались до палашу и вновь мирились за бокаломъ; или, оцарапавъ другъ друга до крови, подобно пѣтухамъ-бойцамъ, величались своею храбростію.

Присутствіе дамъ не облагораживало шумныхъ пиршествъ лагерныхъ забіякъ. Наскучивъ пить бокалами, они начали кружать касками и кашеварными котелками. Оргіи продолжались до поздней ночи. Наконецъ, въ изступленіи отъ вина Ротмистръ Заремба, Староста Переяславскій, и еще нѣсколько отчаянныхъ головъ, вѣзели стрѣлять изъ пушекъ, предполагая устрашить этимъ козаковъ. Безумный поступокъ ихъ имѣлъ совершенно противное дѣйствіе. Непріятели, знавшіе уже о пиршествѣ Поляковъ чрезъ хитраго Бурку,

6*

умѣвшаго проскользнуть въ лагерь Концпольскаго, одушевились новою храбростію при звукахъ выстрѣловъ, почитая ихъ— какъ и было въ самомъ дѣлѣ,—не угрозою, а безумною выходкою опьянѣвшихъ вельможъ.

Не такъ готовились къ отчаянному бою въ лагерь козаковъ. Еще съ вечера узнавши о предположеніи Поляковъ праздновать Тѣло-Господне, а на разсвѣтъ 13 іюня, отслуживъ въ походной церкви заутреню, литургію и потомъ молебсъ съ коленно-преклоненіемъ, старшины угнѣтеннаго народа назначили тайную *раду*, присягнувъ прежде предъ Евангеліемъ, ни въ какомъ случаѣ не отдаваться живыми въ руки своихъ мучителей.

Острианица, избранный за нѣсколько дней предъ тѣмъ въ Нѣжинскіе Полковники, на мѣсто перебѣжавшаго къ Полякамъ предшественника его, и храбрый Леонъ, участвовали въ совѣщаніи: первый — по обязанности своего званія, а Гуля — изъ уваженія къ личнымъ заслугамъ его въ войскѣ. Чалый, съ сиромахами, тоже не отстали отъ общаго дѣла. Кромѣ ихъ присутствовали на радѣ: всѣ Полковники, находившіеся въ лагерь, Генеральные старшины и Есаулы.

Собрались въ ставку Гетмана Тараса Трясила. Единогласно опредѣлено: чтобы Тарасъ и Гуля вывели ползкомъ большую часть пѣхоты изъ стана и на разсвѣтъ ударили съ двухъ сторонъ на лагерь Польскій;

остальные же войска и артиллерию должны были повести Остряница и Полковникъ Рындичь, когда увидать условленный сигналъ.

Въ отряды Гетмана и Гуни, предположено назначить людей испытанной храбрости и вѣрности.

Послѣ вечерней молитвы, во всемъ станѣ готовились къ успокоенію: по крайней мѣрѣ такъ показывали;—лошади были разсѣдланы, оружіе составлено въ козлы, огни потушены раньше обыкновеннаго. Говоръ умолкъ, наступила гробовая тишина, предвѣстница грозы и смерти.

Въ полночь, Гуня и Тарасъ тронулись по берегу Трубежа. Достигнувъ

Польскаго лагеря, они залегли въ рывтинахъ и оврагахъ. Остальные козацкія войска дожидались въ боевомъ порядкѣ.

Съ разсвѣтомъ 14 іюня, ударилъ послѣдній часъ для Поляковъ въ Переяславскомъ станѣ. Послѣ орій, лежали они обезумленные; часовые дремали на валахъ. Казацкіе отряды, съ двухъ противоположныхъ сторонъ подползши къ укрѣпленію, ринулись, по сигналу начальниковъ на не высокіе валы, перекололи часовыхъ, и прежде нежели Поляки очнулись, оборотивъ собственныя ихъ пушки съ средину укрѣпленія, начали стрѣлять картечью.

Поляки, не разобравъ сначала откуда ворвались непріатели, въ торопяхъ убивали

другъ друга; но скоро опомнились, двинулись стройными рядами на козаковъ, окружившихъ уже полевую артиллерію Польскую и обозы, стоявшіе возлѣ ставки Гетмана. Заремба, подобно черной тучѣ, носился съ своими латниками, открывая широкія улицы въ рядахъ козаковъ. Шеренги жолнеровъ, пристроясь къ артиллеріи, сыпали бѣглымъ огнемъ. Стоны и вопли огласили пустынный берегъ Трубежа.

Малороссіяне построились *въ лаву*, и руководимые отчаяніемъ, дрались какъ львы; каждый изъ нихъ убивалъ десятки непріятелей.

Страшно-величественъ былъ въ этотъ день съдой Гуня, съ головы до ногъ облитый

кровью. Убивъ какого-то панцирника, такого-же исполинскаго роста какъ самъ, надѣвъ его доспѣхи, и вооружившись обломкомъ пушечнаго лафета, онъ гонялъ цѣлыя толпы Поляковъ, подобно Гектору или Ахиллесу. Другъ его, Патроклъ - Тарасъ слѣдовалъ за нимъ, съ огромнымъ бердышемъ въ рукахъ.

Улучивъ минуту для усиленія атаки, предводители Малороссіянъ велѣли подать условленный сигналъ воинамъ, оставшимся въ лагерь козацкомъ. Но эти, услышавъ выстрѣлы въ станъ заклятыхъ враговъ своихъ, со всею артиллерією, и посадивъ пѣшихъ воиновъ назади конныхъ козаковъ, неслись уже выручать храбраго своего Гетмана и безстрашнаго Гуню.

Неимоверныя усилія употребляли Поляки къ отраженію непріятеля. Все истощено, что могли придумать опытность Короннаго Гетмана и произвести храбрость войскъ, хорошо обученныхъ, привыкшихъ къ бою. Ни что не помогло, лагерь взятъ; большая часть войскъ Польскихъ изрублены, и перетоплены въ рѣкѣ; остальные, и самъ Гетманъ Конецпольскій, обратились въ бѣгство. Козаки овладѣли обозомъ и всею артиллеріею. Поляки въ этомъ дѣлѣ лишились знатнѣйшихъ дворянъ до трехъ сотъ человекъ, въ томъ числѣ Зарембы и Звѣржицкаго. Несчастный молодой человекъ, храбро защищавшій Гетмана, убитъ Гуною; Заремба желалъ отмстить смерть племянника и палъ отъ той же руки.

Битва Переяславская, названная козаками *Тарасовою ночью*, открыла имъ путь къ новымъ торжествамъ. Значительная часть Малороссіи была очищена отъ Поляковъ; болѣе пострадали тамошніе арендаторы. Нѣсколько тысячъ жидовъ пали подъ ударами Украинцевъ: ихъ умерщвляли безъ всякой пощады, повторяя ругательства, конми они обременяли Христіанъ, при продажѣ пасочныхъ хлѣбовъ.

Горестную вѣсть принесъ Гетманъ въ Трахтимировъ, — ибо онъ первый прибылъ туда, желая спасти свое семейство отъ плѣна и смерти. — Козаки слѣдовали по пятамъ его. Поляки не могли даже унести тѣлъ своихъ родныхъ, чтобы предать ихъ погребенію. Бѣдные, Звѣржицкій и За-

ремба, истмѣли на берегу Трубежа, въ большой ямѣ, въ которой козаки зарыли Поляковъ, боясь заразы отъ тлѣнія труповъ.

Концепольскій долженъ былъ спастись, не теряя времени. Усадивъ семейство свое въ дорожныя экипажи: несчастную Гортензію, начинавшую уже оправляться, а тогда вновь сраженную горемъ тяжкимъ, безъотраднымъ, и Фелицію, видѣвшую уничтоженіе военной славы супруга, опасное положеніе дочери, но бодрствовавшую подобно жень-Спартанкъ, — знаменитый Гетманъ-бѣглець, вельмъ гнать лошадей по дорогѣ къ мѣстечку Вишиць, — показавъ свѣту не первый уже примѣръ прервности счастья человѣческаго.

Первый растахъ Концепольскаго былъ въ Бѣлой-Церквѣ, находившейся еще во власти Поляковъ. Здѣсь прежняя болѣзнь Гортензіи возобновилась. Не смотря на это, должно было ѣхать далѣе; ибо окрестности мѣстечка начали уже волноваться; Польскія войска ретировались. Несчастное семейство тронулось въ дальнѣйшій путь.

Не доѣзжая Вишицы, нѣсколько миль, Гортензія оставила земное бытіе свое, переселилась въ лоно Жениха Предвѣчнаго. ...

Кто можетъ описать тоску родителей, увозившихъ въ Украину существо прелестное, исполненное жизни, надежду ихъ старости, и возвращавшихся на родину бѣглецами,

съ трупомъ возлюбленной дочери! Большая часть достоянія ихъ разграблена; поместья возвращены Руссинамъ.

Убитая Фелиція, заложивъ драгоценности свои бездушнымъ жидамъ, приобрѣла сумму потребную для погребенія Гортензіи. Склепъ Винницкаго кляштора принялъ хладный прахъ ея.

Такъ кончился несчастный походъ Гетмана Конецпольскаго въ Украину. Пораженіе Польскихъ войскъ было совершенное. Надлежало бы предводителю Малороссіянъ, вооруженною рукою, охранять тогда свободу подвластнаго ему народа; но онъ, довольствуясь одержанною побѣдою, не думалъ о послѣдующемъ. Къ счастью Мало-

россіи, Польша, озабоченная войною съ Швеціею и сохраненіемъ своихъ приобретений въ Россіи, не могла предпринять ничего важнаго противу козаковъ; но отсрочка наступательныхъ дѣйствій, предвѣщала только новую грозу.

Еслибъ повелѣвалъ въ то время Хмѣльницкій, онъ умѣлъ бы воспользоваться этимъ отдохновеніемъ!

Козаки, упоенные пораженіемъ Поляковъ, готовились къ наѣзду на невѣрныхъ.

ГЛАВА VII.

Протяжной благовѣсть большого колокола сзывалъ жителей Переяславля въ соборной храмъ. Толпы народа кипѣли на площади, оглашая воздухъ радостными криками. Показалась группа старшинъ козацкихъ, сопровождаемая настоятелемъ соборнаго храма со всемъ духовенствомъ; Гетманъ шелъ впереди. Толпа отхлынула; крики утихли. Освободитель родины поклонился на обѣ стороны и, вновь раздался гулъ, отозвавшійся эхомъ на про-

тивоположномъ берегу Трубежа. Народъ, стоя съ поднятыми въ верхъ руками, возсылалъ темныя мольбы къ Царю-Царей, за своихъ освободителей.

Такъ радовались несчастные Малоросіане кратковременной свободѣ своей!

Вошедши въ церковь, Гетманъ сталъ на правомъ клиросѣ; нѣкоторые изъ старшинъ остановились возлѣ него, а другіе перешли на лѣвую сторону, составивъ второй хоръ пѣвчихъ, подъ руководствомъ опытнаго уставщика.

Литургія началась чинно, величественно.

По окончаніи Литургіи, многіе изъ козаковъ, готовившихся къ нѣзду, приобщились.
6*

лись Святыхъ Таинъ. Гетманъ и Старшины подошли къ кресту, получили освященный хлѣбъ и вышли на паперть храма.

На открытомъ воздухѣ начали пѣть благодарственный молебенъ съ водоосвященіемъ. Настоятель соборнаго храма, съ глазами полными слезъ, погрузивъ трикраты крестъ въ купѣли, окрошилъ святою водою ряды воиновъ, стоявшихъ на коленяхъ въ продолженіи всей церемоніи.

Послѣ громкаго, торжественнаго возгласа «Тебе Бога хвалимъ!» началась большая панихида о павшихъ въ священной брани, за вѣру и свободу родины. При словахъ: «со святыми упокой,» вопли и рыданія вновь огласили воздухъ. Ряды скорбящихъ, во

прахъ распростерлись предъ Жизнедавцемъ, Ему Единому исповѣдуя печали свои.

По окончаніи религіозной церемоніи, толпа, на разставаньи, предалась шумному веселію.

Еще до окончанія Литургіи, площадь установилась палатками, на скоро сдѣланными балаганами и балаганчиками, крытыми лубьемъ. Пирожки, кипящіе въ маслѣ, *сластѣны*, рубцы, жареная баранина, рыба и даже вкуснѣйшій Малороссійскій борщъ, мигомъ поспѣли. Захожіе бездомные козаки, не имѣвшіе родныхъ и знакомыхъ въ Переяславль, усѣлись за трапезу подъ тѣнію подвижныхъ ресторацій, запивая огромными деревянными кубками, вкусныя и жир-

ныя яствы. Доможилые Переяславцы, побѣдавъ дома, присоединились къ гостямъ на площади, знакомились съ ними за ендовой и, — завязался общій пирь.

Воскликанія торговокъ: *сластёны горячіе!* пирожки съ печенкой! борщъ, борщъ съ карасемъ! и тому подобныя возгласы, прекратились. Разгульная вольница, пресытаясь дарами Цереры, ожидала веселаго Іованна съ смѣющимися Силенами. — Славный въ то время винопродавецъ въ Переяславль, *Працько Чубъ*, окруженный толпою челядинцевъ, явился съ бочками вишневки, терновки, дулевки и сливянки; цѣлыя озера пива, меду и браги, колыхались въ широкихъ чанахъ, поставленныхъ Чубомъ.

Только съ появленіемъ этаго благотельнаго чловѣка, началось истинное веселіе.

Умный Чубъ, въ этотъ день, нанялъ всѣхъ музыкантовъ въ городѣ, *кобзарей* и даже слѣпыхъ хористовъ-нищихъ, усадилъ ихъ возлѣ своихъ балагановъ, съ обязательствомъ, пѣть и играть по желанію пирующихъ тѣ пѣсни и танцы, которые угодно имъ будетъ слушать или танцовать.

Манёвръ Працька, — хотя и не филантропическій, — удался какъ нельзя лучше: пріюты прочихъ торговцовъ опустыли; вся толпа гулякъ очутилась въ балаганахъ Чуба, распоряжая полновластно

пѣвцами и музыкантами; какъ между тѣмъ, увеселяющія снадобья хозяина, обращаясь въ наличныя деньги, уходили въ бездонныя его карманы.

Веселитесь на здоровье, *панове, товариство!* говорилъ Чубъ, обходя балаганы и потирая отъ удовольствія руки, — Богъ знаетъ, достанется ли всѣмъ воротиться на родину. Господь воленъ въ жизни, *панове!* Много лягло уже головъ козацкихъ въ дикихъ степяхъ Турецкихъ; но за то пожива славная! — То-то, навезете *пiастровъ, панове,* и разныхъ матерій на наряды женамъ, сафьяновъ и мишинъ на *чоботы.* У невѣрныхъ, говорятъ, завалены *склепы* товаромъ, а погреба золотомъ. — Гуляйте, *панове, товариство,* изъ здоровья!

повторялъ Чубъ, подходя къ слѣдующему балагану. *Стецько! Харько! Панасъ!* поднесите козакамъ по ендовъ медку, дулевки, или чего угодно будетъ *ихней* милости.

Славный парень, этотъ *Працько!* разсуждали между собою козаки, — умно говорить и усердно упрасиваетъ. Выпьемъ, братцы, на прощаньи и заговьемъ. Богъ знаетъ, скоро ли, и всѣ ли мы воротимся на родину!

А ну, кобзаре, въ переборку, да повеселѣе! — Человѣкъ шесть, лихихъ усачей, закружились выхремъ по пыльной дорогѣ, выбивая трепака, съ присвистомъ и припѣвомъ; захватывали по дорогѣ знакомыхъ и незнакомыхъ дѣвокъ и молодицъ; подчивали

ихъ маковиками, *сусликами* и *орышками* *, пригласая танцовать. Красавицы долго ломались, отыскивались, извиняясь недосугомъ, гнѣвомъ матерей, когда увидятъ ихъ съ незнакомыми козаками и т. п., наконецъ, взглянувшись между собою, засмѣявшись, согласились. Группа возлѣ перваго балагана составила веселый хороводъ.

Всякому предпріятію нужно начало, послѣдователи будутъ: первый составившійся хороводъ на площади, возбудилъ соревнованіе. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ толпы гуляющихъ образовали новыя группы танцоровъ и зрителей.

* Суслики и орышки, дѣлаются изъ сдобнаго тѣста и поджариваются, первые въ меду, а послѣдніе въ маслѣ.

Всегда праздные цыгане явились съ мелвѣдями, хороведами цыганокъ и разными штуками для потѣхи веселящихся. Въ то время, на Украинѣ, цыгане замѣняли всѣхъ заморскихъ фигляровъ: ходили на рукахъ, поднявши ноги въ верхъ, качались на канатахъ, вольтижировали на лошадахъ и дѣлали разные прыжки, хотя и не сальто-мортале, но, при не ловкомъ исполненіи ихъ, могшіе стоять комедіанту руки или ноги.

Къ началу вечерень, веселіе вольницы достигло полнаго развитія. Уже Запорожцы выкупались въ чанахъ дегтю, стоявшихъ около черныхъ лавочекъ, успѣли покачаться въ пуху жидовскихъ перинъ, утопить въ Трубежѣ нѣсколькихъ жидовъ,

скрывшихся было послѣ *Тарасовой ночи*,— когда протяжный звонъ колокола въ соборной церкви унялъ пирующихъ, обративъ ихъ разгоряченныя головы къ мыслямъ набожнымъ.

Мало по малу толпы разбрелись. Козаки, возвращавшіеся на родину и отправившіеся въ наѣздъ, должны были приготовиться къ выступленію изъ Переяславля. Бывшіе у причастія Святыхъ Таинъ явились ко всенощной и вечернѣ. Въ Украинѣ,—что и нынѣ соблюдается,—почиталось грѣхомъ великимъ въ день послѣ принятія Святыхъ Таинъ пить вино, даже спать послѣ обѣда; потому, козаки—*спасеники* *, неучаствуя въ шумныхъ забавахъ своихъ

* Исповѣдники.

товарищей, были только свидѣтелями ихъ веселости.

Въ палацъ старосты Переяславскаго, съдѣлавшемся тогда дворцомъ Гетманскимъ, тоже пировали, не щадя запасовъ, заготовленныхъ роскошнымъ Магнатомъ.

Послѣ вечерень, войска козацкія были готовы къ выступленію изъ Переяславля. Лошади форкали у веревочныхъ конювязей; пѣшіе отряды, и войсковые обозы, состоявшіе изъ множества параконныхъ не большихъ повозокъ, подъ начальствомъ обозныхъ, тронулись изъ города: ожидали только Гетмана, чтобы выступить коннымъ полкамъ. Съдой, но еще бодрый, Трясило прилетѣлъ на ворономъ жеребцѣ въ полной Гетманской одеждѣ, съ булавою въ рукѣ,

кривою саблею при бедръ и парюю длинныхъ Турецкихъ пистолетовъ за поясомъ.

Славные витязи Переяславской битвы: Гуня, Остряница и Рындичъ сопровождали Гетмана.

Завидѣвъ храбраго вождя, козаки построились *въ лаву* и приветствовали его обычнымъ восклицаніемъ: *будь здоровъ, батьку!*

Гетманъ поклонился войску и народу; сдѣлалъ знакъ Есаулу, стоявшему на правомъ флангѣ ополченія. Стали бить въ литавры, заиграли на трубахъ и распустили значки. Армія, построясь по полкамъ, тронулась къ заставѣ города. Гетманъ съ Генеральными старшинами ѣхалъ въпереди; Полков-

ники, каждой у своего полка; Сотники и Атаманы возлѣ своихъ отрядовъ. Народъ столнясь по обѣимъ сторонамъ улицы, кидалъ въ верхъ шапки, приветствуя прощальнымъ крикомъ освободителей родины.

По обычаю козацкому, армія остановилась для ночлега въ степи, на берегу Трубежа, избравъ лучшее луговое мѣсто для пастьбы коней. Ночь была тихая и темная. Множество огней, разложенныхъ на берегу рѣки, отражалась въ водѣ, представляли пышную иллюминацію. Усачи, раскинувшись безпечно на муравъ, отдыхали, изрѣдка навѣдываясь къ своимъ конямъ и мимоходомъ заглядывая въ кипящіе котлы съ кашей и *галушками*. . . .

Съ восходомъ солнца, ополченіе раздѣлилось на нѣсколько отрядовъ; одни, подъ начальствомъ Полковниковъ, тронулись къ роднымъ пепелищамъ, другіе, подъ начальствомъ Гуни и Гетмана, въ вольную Сѣчь.

ГЛАВА VIII.

Настала бурная осень. Тихій, величественный Днепръ, избравъ зеркальную поверхность свою, бушевалъ, ревѣлъ. Огромные пѣнившіеся валы, разбиваясь о высокой берегъ рѣки, разлетались мелкими брызгами.

На островъ Днѣпра, въ виду забытой Сѣчи, суетилась толпа воиновъ, нагружая и оснащая множество челновъ особаго

устройства, выдолбленныхъ изъ цѣльнаго дерева, узкихъ и длинныхъ, обитыхъ по краямъ досками и обтянутыхъ кожею. Челны были безъ палубы, съ двумя рулями и съ мачтой. Толстыя камышевыя связки, простиравшіеся по сторонамъ во всю длину судна, укрѣпленныя вѣтвями ивы и веревками изъ коры липоваго и боярышниковаго дерева, препятствовали челну погружаться, когда онъ наполнялся водою.

Окончивъ работу, толпа уплыла въ Сѣчь.

Съ разсвѣтомъ дня, войсковою *добыши* ударилъ въ литавры; все народонаселеніе кочевья взволновалось; объявлено собираться на *раду*.

Куренные атаманы, съ толпами дружинъ, стекались на площадь къ храму Покрова Богородицы.

Гетманъ, онъ же и Кошевой войска Запорожскаго, въ полномъ облаченіи своего званія, ожидалъ *товариство*, на паперти храма. Войсковые старшины, гости Гетмана—Гуля и Чальій, и множество другихъ чиновниковъ городского войска, окружали тогдашняго повелителя Украйны.

По знаку, сдѣланному Гетманомъ, толпы воинновъ составили большой кругъ; изъ церкви вынесли нагой, крестъ и Евангеліе.

По обычаю Запорожцевъ, открылось совѣщаніе о избраніи Старшинъ на будущій

годъ; о распредѣленіи земель и угодій въ поланкахъ, для содержанія Войсковой Канцеляріи и куренныхъ атамановъ. Гетманъ и Генеральные Старшины, на тотъ разъ, пользовались ранговыми имѣніями въ Малороссіи.

Приложась ко кресту и Евангелію, козаки не дѣлясь на круги, какъ дѣлалось обыкновенно при совѣщаніяхъ, единогласно провозгласили Гетманомъ и Кошевымъ Войска Запорожскаго Тараса Трясиму, Эсауломъ — Гуню, и прикрыли ихъ своими шапками; прочихъ же Старшинъ выбрали въ кругахъ.

По окончаніи выборовъ, Тарасъ и Гуня отнесены на рукахъ въ курень Гетмана, при радостныхъ крикахъ Запорожцевъ и

при шумномъ требованіи, вести ихъ противу невѣрныхъ.

На завтра, послѣ Литургіи и молебна, витязи низовые усьлись въ ладьи, ожидая сигнала къ выступленію. Раздался выстрѣлъ изъ вѣстовой пушки; чайки закачались въ волнахъ Днѣпра, подобно стаѣ дикихъ утокъ. Въ каждомъ челнѣ сидѣло отъ 50 до 70 человекъ съ оружіемъ, и поставлено было нѣсколько небольшихъ гаубиць. Впереди всей флотиліи летѣла лодка нѣсколько больше прочихъ: это былъ катеръ предводителя славнаго Войска Запорожскаго, Гетмана и Кошеваго. Гуня командовалъ артиллеріею.

Пробираясь между безчисленныхъ островковъ Днѣпра, останавливаясь для откачиванія

воды, варенія пищи, смѣлые вытязи низовые; подражая прародителямъ своимъ — Варагю-Руссамъ, не одинъ разъ преплывавшимъ на утлыхъ ладьяхъ бурный Эвксинъ, — очутились, послѣ двухнедѣльнаго плаванія, въ открытомъ морѣ. Тысячу разъ подвергались они всѣмъ ужасамъ непостоянной стихіи, уносившей челны ихъ къ берегамъ Абазинскимъ и Анадольскимъ; но отвага одержала побѣду надъ негостепримнымъ моремъ. Чайки низовцевъ остановились на высотѣ Бургаза, и держась западнаго берега, спустились къ Константинополю.

Солнце огненнымъ шаромъ лежало на горизонтѣ; Запорожцы, оставивъ весла, прилегли въ челнахъ въ ожиданіи ночи. Царица грезь спустилась звѣзднымъ покровомъ на

зеркальную поверхность моря; флотилія двинулась къ проливу.

Страшно было пробужденіе Турковъ! Въ то время, Османлы еще хуже теперешняго знали мореходство. Неуклюжыя суда ихъ стояли загороженныя цѣпями въ проливѣ, подъ защитою батарей, вмѣсто того чтобы крейсировать въ морѣ, имѣя сосѣдей подобныхъ низовцамъ.

Запорожцы, неслышно, пробрались въ проливъ, и въ нѣсколько минутъ, двѣ сторожевыя галеры были въ ихъ рукахъ. Матросы переколону, вахтенные на мачтахъ накинуты арканами и повѣшены. Все добро, оказавшееся на галерахъ, све-

зено на чайки. Управясь съ брандвахтами, отчаянные витязи врезались въ средину флота, безопасно дремавшаго у береговъ Галаты. Нѣсколько судовъ были зажжены, другія ограблены подобно галерамъ. Наконецъ Мусульманы встревожились, поднялась страшная пальба изъ всехъ орудій на берегахъ пролива. Безполезная предосторожность: мелкія чайки низовцевъ, ускользнувъ, такъ-сказать, изъ подъ рукъ, далеко уже качались въ волнахъ Эвксина.

Предъ разсвѣтомъ, удалыцы ограбили и предали огню нѣсколько сѣлъ на западномъ берегу моря.

Кончивъ наездъ, Запорожцы отправились въ свою *скарбницу*, для дѣлежа до-

бычи. Они направили путь къ небольшому заливу въ трехъ или четырехъ миляхъ на востокъ отъ Очакова; перетащили лодки сухимъ путемъ въ Днѣпръ и очутились въ Сѣчи тогда, какъ Турецкія галеры, высланныя для преслѣдованія ихъ и остановившіяся въ устьѣ рѣки у Очакова, напрасно ожидали тамъ возвращенія удалцовъ.

Обладатель Мусульманъ былъ разгнѣванъ поступкомъ Запорожцевъ и требовалъ удовлетворенія отъ Польши, считавшей ихъ своими подданными.

Неизвѣстно, какая участь постигла предводителя козаковъ. Можно полагать, что онъ былъ смѣненъ низовцами, нелюбившими

долго повиноваться одному начальнику, или, может быть, выданъ ими Полякамъ.

Послѣ храбраго Тараса, Украина вновь претерпѣла много несчастій. Въ 1630 году, Гетманъ Конецпольскій, желая привести козаковъ въ послушаніе и прекратить ихъ походы подъ Турецкіе города, держалъ Переяславль въ осадѣ три недѣли. Въ это время козаки имѣли многія битвы съ Поляками, и на послѣдней, овладѣли обозомъ Конецпольскаго, отняли перевозки Днѣпровскіе, сожгли паромы. Полководецъ Польскій, примирясь съ ними, вмѣсто убитаго предъ тѣмъ козаками Гетмана Грицка Чернаго, избралъ изъ среди ихъ Каневца, Тимофѣя Арандаренка. Въ 1631 году, козаки, вмѣсто Арандаренка, поставили Гетманомъ

Петра Жицкаго. Жицкій прославилъ себя не оружіемъ, но отеческимъ попеченіемъ о своихъ единоземцахъ. Онъ послалъ убѣдительное представленіе Сейму Варшавскому о притѣсненіяхъ, претерпѣваемыхъ Малороссіянами отъ Поляковъ. Сеймъ отложилъ обѣщанное примиреніе, опредѣливъ только наказаніе насильно присвоившимъ маестности церковныя Греческаго исповѣданія. Не менѣе дѣлаетъ чести этому Гетману оказанное имъ прокровительство Кіево-Братскому училищу, въ устроеніи котораго вспомоствовалъ онъ Сагайдачному, бывъ свѣдущъ въ архитектурѣ. При немъ Шведскій Король Густафъ-Адольфъ старался, посредствомъ Рижскаго Губернатора, Руссея, привлечь козаковъ на свою сторону, обѣщая имъ ненарушимое сохраненіе воль-

ностей и религии ихъ. Жицкій палъ въ междоусобной войнѣ, произведенной Гавриловичемъ, который объявилъ себя Гетманомъ За-Днѣпровской Украйны. Тогда сталъ повелѣвать козаками Перевязка. Обольщенный Польскими вельможами, этотъ предатель отечества не только допустилъ ихъ водвориться въ большой части Малороссіи, но еще ввелъ войско Королевское въ Трахтимировъ, Чигиринъ и другіе города. Козаки взбунтовались, лишили Гетманства Перевязку, предали суду, заключили въ темницу, изъ коей онъ вскорѣ бѣжалъ въ Польшу.

Запорожцы продолжали, между тѣмъ, тоже избирать и смѣнять Гетмановъ. Въ 1632 году, предводительствовалъ ими Ар-

ламъ; въ 1633 Сулима, четвертованный въ Варшавѣ.

Наконецъ, строгое обращеніе Польскаго правительства, притѣсненія возобновленныя помѣщиками Польскими и Литовскими, присвоившими себѣ земли козацкія, и угнетенія благочестивыхъ Уніятами, невзирая на постановленія Владислава, Сеймами утвержденныя, произвели вновь мятежъ въ Малороссіи. Козаки избрали Гетманомъ Генеральнаго Хорунжаго Павлюгу и готовились сразиться съ своими утѣснителями.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ первой части.

1.) Первымъ предводителемъ низовцевъ, о которомъ упоминаетъ исторія, былъ Евстафій Дашковичъ, уроженецъ Овручскій, современникъ и военный товарищъ Гетмана Прейдслава Ляцкоронскаго. Въ 1504 году, Евстафій выехалъ было въ Россію съ великимъ богатствомъ и со многими дворянами Польскими, служилъ несколько лѣтъ Василию III, и потомъ ушелъ обратно къ Королю Польскому Сигизмунду I. Желая, какъ должно думать, заслужить милость Королевскую, Дашковичъ обратился къ смѣлымъ островитянамъ, принявъ

начальство надъ ними и сдѣлался бичемъ Татаръ, истребляя ихъ въ частыхъ наездахъ. Соединяя съ знаніемъ военнаго дѣла мужество необыкновенное, и неутомимую дѣятельность, предводитель козаковъ, подобно Ромулу, составилъ изъ толпы неустрашимыхъ ратоборцевъ легкое, образованное войско, всегда готовое на брань при одномъ мановеніи руки его. Онъ раздѣлилъ Запорожцевъ на сотни и полки, снабдилъ ружьями и мечами, поставилъ надъ ними вождей. Подчиненность введенная Евстафіемъ, — по свидѣтельству Польскихъ историковъ, — сходствовала совершенно съ Римскою: перенесеніе всякихъ трудностей, презрѣніе жизни, опасностей; слѣпое повиновеніе вождямъ, равный дѣлежъ добычи, свободный выборъ начальниковъ — вотъ въ чемъ состояли обязанности и права этого ополченія. Во время Дашковича, низовцевъ было еще весьма не много; въ 1532 году ихъ считалось не болѣе 2000; а въ 1535 до 3000 человекъ. (Исторія Малороссіи Б. Каменскаго).

2.) Трибуналъ Малороссійскій состоялъ изъ семи Департаментовъ: 1. Генеральная канцелярія, съ вер-

ховною апелляціею; судилище верховное, откуда выходили Гетманскія резолюціи, универсалы и повелѣнія. 2. Генеральный судъ градскій. 3. Генеральный судъ земскій. 4. Комиссаріатъ, ревизовавшій дѣла подкоморскія, управлявшій и надзиравшій надъ публичными зданіями, дорогами и переправами. 5. Скарбовая канцелярія, вѣдавшая доходы и расходы національные. 6. Военный regimentъ, управлявшій, дѣлами войсковыми, и 7. Ревизіонный комитетъ, ревизовавшій все счеты скарбовые и войсковые и отъ котораго зависѣло фискальство надъ чинами и адвокатами.

Для награды товарищей, въ полкахъ и сотняхъ невмѣстимыхъ, Баторій учредилъ три степени войсковыхъ товарищей: 1. *Товарища Бунчуковаго*; чинъ его равнялся полковому Обозному; въ военное время находился онъ при клейнодахъ, подъ бунчукомъ и знаменами; въ мирное время опредѣлялся въ знатныя комиссіи по повелѣнію Гетманскому. 2. *Товарища Войсковаго*; чинъ его равнялся чину сотника; обыкновенно при повышеніи онъ производился въ сотники, находился по боль-

шей части въ штатъ Гетмана и у клейнодовъ, во время военное; а въ мирное занимался порученіями отъ Генеральной канцеляріи и ея департаментовъ. 3. *Значковаго товарища*, изъ котораго производились въ войсковые; онъ имѣлъ место при полку у полковаго знамени. Все они имѣли *универсалы* на чины отъ Гетмана, и отъ него же были награждаемы деревнями, хуторами и т. п.; за отличие.

При Королѣ Стефанѣ Баторіи, Малороссійскихъ полковъ было десять: Кіевскій, Переяславскій, Черкасскій, Чигиринскій, Уманьскій, Корсунскій, Миргородскій, Полтавскій, Богуславскій и Ладыженскій; это были области въ родѣ губерній; въ нихъ судились по двумъ правамъ: по воинскимъ и по гражданскимъ, хотя обоихъ судовъ главный начальникъ былъ Полковникъ. (Исторія Малороссіи Н. Маркевича. Т. 1 и 5.)

3) Греко-Россійская церковь, отъ самаго начала ея до конца XVI столѣтія, болѣе 6 вѣковъ, была единая, нераздѣльная; послѣдователи ея во всей Русской землѣ,

съ неуклоннымъ постоянствомъ держались однихъ и тѣхъ же правилъ, догматовъ, обрядовъ. Славянскій переводъ библіи, труды Кирилла и Меодія, служили основою православія; Греческій номоканонъ, заключавшій правила св. отцевъ, вмѣстѣ съ грамматами Великихъ Князей и соборными постановленіями, опредѣлялъ судъ и расправу; Византійскій Патріархъ утверждалъ Русскихъ святителей. Все, что было постановлено Вселенскими Соборами, соблюдалось у насъ строго; все, чему вѣрили, что признавали отцы и дѣды, переходило, какъ завѣтъ священныи, изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ.

Безмятежность православной Церкви основана была преимущественно на благопріятныхъ отношеніяхъ духовенства къ обществу, установленныхъ при Владимірѣ св. и Ярославѣ мудромъ, на личныхъ достоинствахъ святителей и на характерѣ народномъ. Греко-Россійское духовенство не составляло, подобно Римскому, отдельнаго міра въ Государствѣ: оно вполне зависѣло отъ Великаго Князя, безъ воли коего никакое важное цер-

когное распоряженіе не могло быть приведено въ дѣйствіе. Святители по большой части украшались христіанскими добродѣтелями: не вмѣшивались въ дѣла свѣтскія, когда не было на то желанія Государей; если же являлись на поприщѣ политическомъ, то всегда къ чести своего званія: во время удѣльное, они мирили князей; при Моголахъ благословляли Русскихъ на борьбу съ губителями отечества; въ дѣлахъ же вѣры не обнаруживали духа нетерпимости, или фанатизма, не искали славы насильственного обращенія иновѣрцевъ въ свой законъ и отклоняли вызовы Римскихъ Папъ къ пренію о вѣрѣ, считая подобныя споры бесполезными. Ревностно исполняя свой долгъ, распространяя въ народѣ не только истины Христіанскія, но и полезныя свѣдѣнія житейскія, напримѣръ врачевныя, служители православної церкви въ тоже время съ рѣдкою скромностію передавали потомству память современныхъ событій въ безпристрастныхъ летописяхъ. Однимъ словомъ, Русское духовенство не было въ разладъ ни съ міромъ, ни съ человѣкомъ, ни съ властію. Все это отразилось и въ народѣ: предки наши, слушая слова Евангелія на

языкъ понятномъ, въ храмахъ, исполненныхъ красоты и величія, приобрѣли ту набожность тихую, мирную, которою они отличались отъ всѣхъ Европейскихъ народовъ. Они смотрѣли на свою церковь, какъ на единую, святую; чуждались всего не Русскаго, всякой новизны; желали только одного: безмятежно поклоняться Христу Спасителю, по примѣру отцовъ и дѣдовъ.

При такомъ религіозномъ направленіи, въ недрахъ самой церкви не могло быть ни ересей, ни расколовъ. Изрѣдка находили на нее тучи извѣй: Болгарскіе и Сирскіе святители, присылаемые греческими Патріархами, приносили иногда духъ любостыжанія, дававшій поводъ къ разнымъ соблазнамъ: но неустройства продолжались не долго и не оставляли ни какихъ слѣдовъ. Самое отдѣленіе Кіевской Митрополіи отъ Московской, бывъ дѣломъ самовластнаго Витольда, не уничтожило единства Греко-Россійской церкви и не поколебало православія: въ западной Руси или въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, остались тѣже догматы, обряды, какъ и въ восточной. Кіевской Митрополитъ, наравнѣ съ Москов-

скимъ, признавалъ верховную власть Византійскаго Патріарха. Следственно это отвлеченіе не было расколомъ церкви.

Между тѣмъ постоянная опасность угрожала православію съ Запада, изъ Рима. Папы, вопреки всѣмъ неудачнымъ попыткамъ, не оставляли насъ въ покоѣ, при каждомъ удобномъ случаѣ возобновляя старанія подчинить своей власти Греко-Россійскую церковь. Такъ они раставляли съи Роману Вольнскому, Даніилу Галицкому, Александру Невскому, обѣщая имъ вѣнцы Королевскіе, въ награду за признаніе своей власти; проповѣдывали крестовые походы въ Швецію, въ Ливонію, въ Польшу, въ Венгрію, чтобы силою оружія обратить Русскихъ въ Латинскую вѣру, и все напрасно: ни князья, ни подданные не измѣняли закону прародительскому. Римской дворъ не терялъ однако надежды, и въ половинѣ XV вѣка успѣлъ потревожить Греческую церковь въ самой Византіи, впрочемъ не на долго. Соборъ Флорентійскій остался безъ важныхъ послѣдствій: ни Греки, ни Русскіе не хотѣли признать власть Папы. Послѣ такой

неудачи, казалось, Римскій дворъ убедится въ невозможности поколебать Греко-Россійскую церковь и оставить ее въ покоѣ, особенно когда въ подвластныхъ ему странахъ въ Германіи, Франціи, Голландіи, Швеціи, Англій, появились многочисленныя секты протестантовъ. Быстрые успѣхи Лютера, Кальвина и другихъ реформаторовъ, свидѣтельствовали, что господство Папы было слишкомъ тягостно для самыхъ усердныхъ его приверженцевъ. Но политика Римскаго двора не измѣнилась: воспламенія въ западной Европѣ междоусобныя войны, для истребленія Лютеранъ, Кальвинистовъ, Цвингліанъ, онъ не спускалъ глазъ и съ нашего отечества.

Главнымъ оружіемъ его былъ орденъ Езуитовъ, учрежденный именно съ тою цѣлію, чтобы распространить Папскую власть во всѣхъ концахъ міра, между народами, никогда не признававшими ее, въ замѣнъ утраченнаго господства въ большой части Европы. Езуиты всегда и вездѣ дѣйствовали одинаково, съ рѣдкимъ искусствомъ, съ неутомимою ревностію, не разбирая средствъ къ достиженію цѣли. При Сигизмундѣ Августѣ они

появились въ Польшѣ; нашли тамъ еще болѣе усердныхъ покровителей, чѣмъ гдѣ-либо, овладѣли совѣстью Королей, господствовали на Сеймахъ, въ Сенатѣ, управляли политикою. Отселе они начали раставлять сѣти для уловленія Русскихъ. Езуиты такъ были увѣрены въ своихъ силахъ, такъ хорошо умѣли тревожить совѣсть людей, что сначала считали дѣломъ легкимъ совратить народъ Русскій съ пути православія однимъ только искусствомъ убѣжденія; съ этою цѣлю множество книгъ, частію политическихъ, частію догматическихъ, разсыяно было въ Литовскомъ Княжествѣ; между тѣмъ въ Вильнѣ, Полоцкѣ, на Вольни, учреждены были школы для воспитанія юношества; этого мало: ревностнѣйшій изъ членовъ ордена Антошій Поссевинъ дерзнулъ даже думать о возможности убѣдить Іоанна Грознаго въ необходимости соединенія Восточной церкви съ Западною, и послѣ заключенія Запольскаго мира, въ награду за свое усердіе, просилъ неотступно Царскаго согласія на споръ о вѣрѣ. Іоаннъ вступилъ съ нимъ въ богословское преніе, торжественно, въ присутствіи своего двора, три раза бесѣдовалъ съ нимъ о власти Папы, о раз-

ности догматовъ, обрядовъ, и одною силою здраваго смысла, опираясь на правоту своего дѣла, пристыдилъ умнѣйшаго изъ Езуитовъ въ нелѣпыхъ заблужденіяхъ. Въ Западной Руси равнымъ образомъ нашлись ревностные поборники православія: въ числѣ ихъ особенно замѣчательнъ Князь Константинъ Острожскій; не послѣднее мѣсто занимаетъ и Князь Курбскій. Вопреки всѣмъ усиліямъ, успѣхъ Езуитовъ былъ незначителенъ, и по всей вѣроятности замыслы ихъ кончились бы ничѣмъ, еслибы стеченіе совершенно постороннихъ для церкви обстоятельствъ не помогло имъ.

Луцкій Епископъ Кириллъ Терлецкій, порочною жизнью вынудивъ Константинопольскаго патріарха Іеремію нарядить судъ для изслѣдованія своихъ преступленій, въ числѣ которыхъ были даже уголовныя *, и опасаясь лишиться сана, успѣлъ вооружить противъ Патріарха

* Терлецкаго обвиняли въ двоеженствѣ, смертоубійствѣ, въ дѣланіи фальшивой монеты, въ покровительствѣ воровъ.

Кіевскаго Митрополита Михаила Рагозу, который также чувствуя себя не совсѣмъ правымъ *, боялся, что и до него дойдетъ очередь строгаго суда Патріаршаго. Для устраненія опасности, они согласились отдаться въ покровительство Папы. Надежда избавиться отъ бѣды была главною побудительною причиною ихъ намѣренія; къ ней присоединилась и другая: Потомки Ягелла, уравнивъ Литовское Княжество съ Польскимъ Королевствомъ въ правахъ гражданскихъ, не дали Греко-Россійскому духовенству, тѣхъ преимуществъ, какими пользовалось Римское; Православные Епископы не присутствовали въ Сенатъ и при всякомъ случаѣ уступали Латинскимъ. Рагоза искалъ тѣхъ же выгодъ, и получивъ отъ Сигизмунда III обѣщаніе на уравниеніе правъ, началъ дѣйствовать за одно съ Терлецкимъ. Душею совѣтовъ ихъ былъ Ипатій Поцей, человекъ хитрый, искусный въ богословіи, бывшій прежде кастеляномъ въ Брестѣ, постриженный Терлецкимъ въ монахи и посвященный Митрополитомъ Рагозою въ санъ Владимірскаго Епи-

* Рагоза, подобно Терлецкому, былъ двоюродный братъ.

скопа. Въ первый годъ своего святительства Поцей созвалъ четырехъ Епископовъ въ Брестъ *, подъ предлогомъ разсужденія о мѣрахъ къ безопасности Православной церкви, утѣсняемой Польскимъ Сенатомъ и Латинскимъ духовенствомъ; говорилъ, что Патріархи, подвластные Турецкому Султану, не пекутся о выгодахъ Русскаго духовенства, заботятся только о собственномъ богатствѣ, утѣсняють православныхъ поборами, и какъ лучшее средство къ устраненію всехъ неудобствъ, предлагалъ *Унію* или соединеніе Грековосточной церкви съ Римскою, на основаніи Флорентійскаго Собора. Терлецкій былъ согласенъ съ нимъ; другіе три Епископа отвергли эту мѣру. Поцей рѣшился приготовить прежде умы, объѣздивъ всю Литовскую Русь, вездѣ разсылая плевалы съ укоризнами на Патріарховъ, и чрезъ три года созвалъ второй соборъ, многочисленнѣйшій, во Львовѣ; но также безъ успѣха; въ слѣдъ за тѣмъ третій въ Брестѣ.

* Луцкаго (Терлецкаго), Пинскаго, Хелмскаго и Львовскаго (Гедеона, ревностнаго защитника Православія).

Здѣсь 2 Декабря 1594 года Митрополитъ Рагоза, четьрѣ Епископа (изъ коихъ двое еще не были посвящены) и одинъ Архимандритъ подписали соборное опредѣленіе объ Уніи. Положено было: подѣ предлогомъ нерадѣнія Патріарховъ о Грекороссійской церкви, соединить ее съ Римскою, на основаніи Флорентійскаго Собора, признать Папу главою всего христіанства, но оставить неприкосновенными всѣ обряды Грековосточной церкви, Священно-дѣйствовать на Русскомъ языкѣ и не требовать отъ Папы ставленныхъ грамотъ на утверженіе избираемыхъ Епископовъ.

Главные виновники раскола Поцей и Терлецкій, съ согласіемъ Сигизмунда отправились въ Римъ, гдѣ, къ величайшей радости Климента VIII, представивъ ему въ подлинникъ опредѣленіе Брестскаго собора, не только признали Папу главою православной церкви въ Литовскомъ Княжествѣ, но и согласились сами собою, да же безъ вѣдома пославшихъ, принять много, чего не было имъ поручено, на примѣръ вѣрованіе въ дѣйствительность индульгенцій и т. п. Между тѣмъ Епископы

Львовскій Гедсонъ и Перемышльскій Михаилъ (Копыстенскій), съѣздавъ о посольствѣ въ Римъ, объявили торжественно, что они не согласны на Унію; еще сильнѣе и краснорѣчивѣе говорилъ и писалъ противъ раскола Князь Константинъ Острожскій. Напрасно Рагоза, опасаясь возстанія, увѣрялъ Князя, что онъ не думаетъ измѣнять православію; молва о предательствѣ церкви Митрополитомъ взволновала всю Русь Литовскую; низшія сословія изъявляли громкій ропотъ; высшія не хотѣли участвовать въ Коронномъ Сеймѣ, доколѣ не будетъ рѣшенъ вопросъ о вѣрѣ.

Терлецкій и Поцей, возвратясь изъ Рима съ Папскою буллою, кою Климентъ VIII просилъ Сигизмунда сравнить Уніатовъ во всѣхъ правахъ съ Латинскимъ духовенствомъ (чего Король впрочемъ не исполнялъ), спѣшили созвать новый Соборъ опять въ Брестъ для торжественнаго введенія Уніи. Туда съѣхалось множество особъ духовныхъ и свѣтскихъ изъ всего Княжества Литовскаго, также изъ Греціи; явился и Польскіе Епископы. Но еще до начала совѣщанія обнаружилась не

примиримая вражда: соборъ раздѣлился на двѣ стороны; самая многочисленная, главою коей былъ Князь Острожскій, объявила рѣшительно, что Русскій народъ не хочетъ слышать объ Уніи, что Митрополитъ предать церковь Папѣ изъ личныхъ видовъ, что онъ и сообщники его должны быть лишены сана, какъ измѣнники православія. Противная сторона, слабая числомъ, но сильная покровительствомъ Сигизмунда, обнародовала актъ объ Уніи, соединилась съ Латинскимъ духовенствомъ, вступила въ костель и на Литургіи провозгласила имя Папы вмѣсто Патріархаго. Унія возникла. Но въ началѣ она имѣла еще менѣе приверженцевъ, чѣмъ даже Соборъ Флорентійскій, и по всей вѣроятности, при очевидной ненависти къ ней народа, кончилась бы ни чѣмъ, если бы Езуиты не приняли мѣръ ея распространенію.

Бывъ дѣломъ не многихъ лицъ, руководимыхъ личными видами, Унія въ самомъ началѣ находила приверженцевъ только въ такихъ людяхъ, которые, подобно Рагозѣ, Терлецкому и Поцею, искали мірскихъ вы-

годъ и заглушали упреки совѣски. Число ихъ не могло быть значительно: Русскій народъ ропталъ явно на такую неслыханную новость, и весьма естественно: не имѣя ни какого богословскаго основанія, Унія не была даже ученіемъ секты, въ родъ сектъ лютеранскихъ; дѣло шло только о томъ, кого призывать Главою церкви, Папу ли, Патріарха ли? Нельзя было думать, что бы Русскій народъ согласился промѣнять Патріарха на Папу, когда все напоминало ему о Греціи, отдаляя отъ Рима, и обряды богослуженія, и дагматы вѣры, и права церкви, и преданія Исторіи. Езуиты однакожъ не унывали; руководимый совѣтами ихъ и слѣпою привязанностію къ Римскому двору, Сигизмундъ III спѣшилъ довершить начатое дѣло: онъ принялъ за правило не позволять посвященіе въ Митрополиты и Епископы людей, отвергавшихъ Унію; отдавалъ Уніятамъ богатѣйшіе монастыри и приходы; оказывалъ имъ при всякомъ случаѣ явное доброжелательство, притѣсняя православныхъ; возводилъ на степени государственныхъ сановниковъ преимущественно послѣдователей Уніи. Не мнущимъ слѣдствіемъ такой политики была непримиримая

ненависть обѣихъ партій; одна старалась уничтожить другую: ибо вмѣстѣ существовать не могли. Уніаты, дѣйствуя въ духѣ Езуитовъ, для собственной безопасности, еще болѣе изъ видовъ корыстолюбія, всѣми средствами стараясь умножить число своихъ послѣдователей и находя въ Судахъ гражданскихъ, Епископскихъ, на Сеймахъ, въ Сенатъ, въ Король, усердныхъ покровителей, преступали не рѣдко предѣлы справедливости. Ненависть ихъ преимущественно устремлялась на служителей церкви, не доступныхъ соблазну: въ непоколебимые въ православіи подвергались всякаго рода оскорбленіямъ; съ безчестіемъ были изгоняемы изъ приходовъ, по ложнымъ доносамъ предавались суду и нерѣдко окончивали жизнь въ оковахъ. Цѣлыя округи оставались безъ священниковъ; церкви были заперты или разрушены; нѣкоторыя обращены въ шинки, въ копошны. Мертвыхъ некому было отпѣвать; младенцевъ крестить. При такихъ насильственныхъ мѣрахъ Унія распространялась: Сигизмундъ и Езуиты радовались исполненію своихъ замысловъ; но радость была не долговременна: Малороссія доказала имъ, какихъ плодовъ

могла ожидать Польня отъ Уніи. (Русская Исторія Устрялова Т. II).

4.) Павелъ Наливайко избранъ Гетманомъ изъ Генеральныхъ Есауловъ.

Послѣ избранія его, Депутаты повезли къ Королю слѣдующую грамоту: «народъ Русскій, соединенный « прежде съ Княжествомъ Литовскимъ а потомъ съ « Королевствомъ Польскимъ, небылъ никогда ими за- « воеванъ и не рабствовалъ; но какъ союзный и еди- « ноплеменный, отъ единого корня Славянскаго или « Сарматскаго произшедшій, добровольно соединился на « одинакихъ и равныхъ съ нимъ правахъ и преиму- « ществахъ, договорами и пактами торжественно утвер- « денныхъ, а протекція и храненіе тѣхъ договоровъ и « пактовъ и самое состояніе народа вѣрены Вамъ По- « мазанникамъ Божиимъ, Свѣтлѣйшимъ Королемъ Поль- « скимъ, якоже и Вашему Королевскому Величеству, « клявшимися въ томъ при коронаціи предъ самымъ « Богомъ, держащимъ въ десницѣ вселенную и ся Ца-

«рей и Царства. Сей народъ въ нуждахъ и пособіяхъ
«общихъ соединенной націи озваменовалъ себя всемъ
«ною помощію и единомысліемъ союзнымъ и братер-
«скимъ, а воинство Русское прослало Польшу и уди-
«вило вселенную мужественными подвигами въ браняхъ,
«въ оборонѣ и разширеніи державы Польской; и кто
«устоялъ изъ сосѣдствующихъ державъ противу ратни-
«ковъ Русскихъ и ихъ ополченія? Загляни, Найяснѣй-
«шій Король, въ хроники отечественныя; и они до
«свѣдуютъ тое. Вопросы старцевъ своихъ, и рекутъ тебѣ,
«коликъ потоковъ пролито крови ратниковъ Русскихъ
«и колікія тысячи и тмы воиновъ Русскихъ пали подъ
«острѣемъ меча на ратныхъ поляхъ за интересы ея.
«Но врагъ ненавидий добра, отъ ада исшедшій, возму-
«тилъ священную оную народовъ единость на погибелъ
«общую. Вельможи Польскіе, сіи Магнаты правленія,
«завистуя маеткамъ нашимъ, по томъ и кровію стяжан-
«нымъ, и наущаемы духовенствомъ, завше мѣшаю-
«щимся въ дѣла мірскія, до нихъ не належныя, под-
«вели Найяснѣйшаго Короля нашего Пана и отца ми-
«лостиваго, лишити насъ выбора Гетмана на мѣсто

«покойнаго Косинскаго, недавно истраченнаго самымъ не-
«праведнымъ, постыднымъ и варварскимъ образомъ, а
«народъ смутилъ начальнымъ обращеніемъ его къ Уніи;
«при таковыхъ отъ Магнатства и духовенства чинимыхъ
«намъ и народу утискахъ и фрасункахъ не поступили
«еднакъ мы ни на что законопреступное и враждебное,
«а избравши себѣ Гетмана по правамъ и привилегіямъ
«нашимъ, повергаемъ его и самихъ себя Милостивѣй-
«шему покрову и просимъ на униженнѣйше Монаршаго
«респекту и подтвержденія правъ нашихъ и выбора,
«а мы завше готовы есмы проливать кровь нашу за
«честь и славу Вашего Величества и всей націи.»

По прочтеніи этой грамоты Король изъявилъ удивле-
ніе: онъ показывалъ полное невѣденіе о такихъ по-
ступкахъ Польскаго Министерства, обѣщалъ на первомъ
Сеймѣ стараться уничтожить замыслы Магнатовъ и Ду-
ховенства. Впрочемъ не отвѣчалъ письменно на пред-
ставленіе, а только словесно приказалъ Гетману и
козакамъ вести себя съ войсками Польскими мирно и
дружелюбно.

Гетманъ универсалою объявилъ во всѣхъ городахъ и повѣтахъ о своемъ избраніи, повелѣвая чинамъ, войску и народу не предпринимать ничего враждебнаго противъ Польскихъ войскъ, по городамъ расположенныхъ, пока придетъ наконецъ Королевское повелѣніе о ихъ выводѣ. Что же касается до Уніи, чтобъ каждый велъ себя спокойно, следуя своей совѣсти. Въ то же время извѣстилъ онъ о своемъ Гетманствѣ и Гетмана Короннаго.

Но буйные Магнаты не разсудили продолжать мирнаго времени, и едва Гетманскіе чиновники уѣхали для обнародованія универсала, какъ начали приходить изъ городовъ и повѣтовъ извѣстія, что товариство поругано и избито Поляками, что въ Черкассахъ и Бѣлой церквѣ собираются войска Польскія.

Наливайко созвалъ и свои войска въ Чигиринъ, расположился надъ Тясминомъ, укрѣпилъ лагерь окопами и артиллеріею и сталъ ждать, чтобъ Поляки первые вступили въ бой. Вскорѣ они появились подъ началь-

ствомъ Короннаго Гетмана Жолкѣвскаго. Наливайко выставилъ на возвышеніи три бѣлыя хоругви съ крестами и съ вышитыми надписями *миръ христіанству, а на защитника Богъ и его крестъ*. Поляки насупротивъ тѣхъ знаменъ выставили три висѣлицы съ повѣшенными на нихъ Малороссійскими стариннами: Богуномъ, Войновичемъ и Сутыгою, а надъ ними надпись: *кара бунтовцовъ*. Поляки начали приступъ къ стану козацкому. Малороссійскій Гетманъ отобралъ часть лучшаго войска своего и учредилъ засаду; во время пальбы изъ ружей и пушекъ онъ воспользовался густотою дыма, вывелъ изъ засады отборную дружину свою, вступилъ съ нею въ центръ Польской арміи; въ то же время козаки двинулись изъ стана, неприятели были поставлены между двухъ огней: они смѣшались; началось странное между ними пораженіе; оно продолжалось болѣе семи часовъ. Малороссійне сражались во кругъ висѣвшихъ на висѣлицахъ единомыцевъ своихъ, до того ожесточились и разсвирѣпѣли, что, невнимая о пощаду, добывали раненыхъ; бросавшихся въ рѣку вытаскивали арканами и дорзывали; спаслись изъ Поляковъ только

ть, у которыхъ были лучшіе кони, говорить летопись, и козаки, по словамъ ея, накорбовали на корбахъ своихъ 17,330 убитыхъ Поляковъ; стащивъ къ висѣльницамъ эту огромную груду мертвецовъ, они тамъ ихъ прикидали землею, и потомъ, снявъ тѣла старшинъ своихъ, съ торжествомъ погребли ихъ въ Чигиринскомъ Преображенскомъ соборѣ; на сихъ гробницахъ Гетманъ вырѣзалъ надпись о ихъ невинномъ страданіи и мученической смерти за вѣру и родину.

Тогда Наливайко раздѣливъ свои войска; одну часть отправилъ въ города Днѣпровскіе подъ начальствомъ Полковника Лободы, и далъ повелѣніе выгнать оттуда всѣхъ Поляковъ и все Уніятское духовенство до единого, съ другою частию пошелъ между Днѣпромъ и Днѣстромъ; дорогою побеждая Поляковъ на всѣхъ стычкахъ, разбивая на голову и разгоняя ихъ, получая въ добычу ихъ обозы и военные снаряды, онъ очистилъ Малороссію отъ враговъ и Уніятства, сжегъ Могилевъ на Днѣпрѣ и Слуцкъ, оба города Малороссійскіе, но которыхъ очистить отъ непріятеля онъ немогъ иначе;

Поляки въ нихъ были выбиты до послѣдняго, и весь подвигъ совершенъ въ три мѣсяца съ половиною.

Наконецъ Гетманъ соединился съ Лободою надъ рѣкою Случью, при Лубнахъ, на Солоницѣ; Гетманы Коронный и Польскій тамъ уже стояли станомъ, укреплннымъ окопами и палисадами; козаки начали приступъ, который продолжался четыре дня, и уже переднія укрѣпленія были опрокинуты, когда Королевскій гонецъ явился къ сражающимся. Король велѣлъ прекратить вражду и брань, всѣмъ тремъ Гетманамъ составить трактатъ на вѣчный миръ и утвержденіе правъ Малороссійскихъ, и въ лицѣ обѣихъ войскъ подписаться и утвердить присягою. Самъ же Король съ Сеймомъ, даруя войску и народу Русскому всепрощеніе и забывая все прошедшее, подтверждалъ на времена вѣчныя всѣ пакты и привилегіи. Повелѣніе было исполнено, война была кончена, войска съ взаимною, но тайною злобою разошлись.

Гетманъ занялся устройствомъ и порядкомъ въ повѣтахъ и возобновленіемъ городовъ и селъ, войною раз-

рушенныхъ, и поправкою церквей; прихожане отдохнули отъ рабства и угнѣтений священниковъ полукатолическихъ.

Во времена прежняго благоустройства Малороссіи всегда посылаемы были депутаты въ Варшаву на главный Сеймъ. Ихъ отправлялось четыре отъ Воеводствъ, три отъ войска и уряда Гетманскаго, да отъ городовъ и посполитства пять. Время таковой Депутаціи приближалось, и быть войсковыми депутатами жребій выпалъ Полковнику Лободѣ, Судьѣ Полковому Федору Мазенѣ и Сотнику Кіевскому Якову Кизиму; между тѣмъ и самъ Гетманъ вздумалъ ѣхать съ ними, чтобъ засвидѣтельствовать предъ Королемъ покорность вѣрнопопданническую. Но едва они явились въ Варшаву, какъ въ первуюжъ ночь ихъ схватили подъ стражу и ввергли въ подземную темницу. (Исторія Малороссіи П. Марквича Т. I).

Въ летописи Пресвященнаго Конисскаго, о мученической кончинѣ Гетмана, сказано: « что Наливайко по-

саженъ въ мѣдной быкъ вмѣстѣ съ тремя Полковниками; что того быка жгли нѣсколько часовъ малымъ огнемъ, пока слышенъ былъ вопль и стонъ страдальцевъ и что, наконецъ, тѣла ихъ обращены въ пепель». А Петръ Явичинскій, въ жизни Жолкѣвскаго, описываетъ событіе это и самую жизнь Наливайки слѣдующимъ образомъ: « Наливайко былъ сынъ Острожскаго «гражданина, родился въ новомъ городкѣ Заславскаго «Округа. Отецъ его имѣлъ трехъ сыновей, отличавшихся своимъ *нечестіемъ* » (здѣсь нужно замѣтить, что Явичинскій *нечестіемъ* называетъ приверженность къ вѣрѣ Греческой). « Старшій былъ Протопопомъ соборнымъ въ Острожскомъ замкѣ, и при томъ самъ былъ закорытливый *раскольникъ*; предъ смертію своею «запретилъ хоронить себя при церкви, представляя «тому слѣдующую причину: *знаю, говорилъ онъ, что въ Острогъ водворится Латинская вѣра, почему и похороните меня въ поле, дабы и кости мои «неслизились съ Латинскою церковью. Меньшій братъ «Наливайки, шинкарь, торговалъ шубами не уступая старшему въ нечестіи; самъ Наливайко, остави-*

« шубное ремесло, записался въ козаки, избранъ по-
« томъ Предводителемъ возмутившеюся чернію; не одно-
« кратно разбитъ Жолтѣвскимъ, взятъ въ плѣнь съ нѣ-
« сколькими Полковниками. Когда его вели скованнаго
« по Львовской площади, то, проходя мимо Митропо-
« личьей церкви, Наливайко, покачавъ головою сказалъ:
« о церкви! церковь! въ тебѣ стояли бы лошади; я
« обратилъ бы тебѣ въ конюшню. Въ Варшавѣ днемъ
« ночью содержали его по козацки, не давали ему спать:
« лишь только сонъ начиналъ смыкать вѣжды его, стоя-
« шіе во кругъ вонны пробуждали Наливайку обухомъ
« сѣкиры; потомъ посаженъ онъ былъ на раскаленнаго
« коня, увѣчанъ раскаленнымъ вѣнцомъ и, наконецъ, каз-
« нень ». (Исторія Малороссіи Б. Каменскаго, Т. I, см.
примѣчанія).

5). По смерти храбраго Наливайки, Малороссія не
долго оставалась безъ вожда, собственно у себя дома
избраннаго. Хотя нѣкоторые полки и согласились по-
виноваться Гетману Коринному, но большая часть изъ
нихъ, согласно съ Запорожьемъ, избрала Гетманомъ

Генеральнаго Обознаго Петра Конашевича-Сагайдачнаго,
человѣка, великаго духомъ, храбраго, пылкаго, малорѣ-
чиваго, врага роскоши, иногда жестокаго и неистоваго,
иногда неумѣреннаго въ чувственныхъ наслажденіяхъ,
но страшнаго для враговъ Малороссіи, страшнаго для
Турковъ, Поляковъ и Русскихъ. Таковъ былъ Сагай-
дачный!

Принявъ булаву изъ рукъ народа, войска и чиновъ,
Сагайдачный назвалъ себя Гетманомъ обѣихъ сторонъ
Днѣпра и войска Запорожскаго; его примѣру последо-
вали Полковники и Сотники, и козаки Малороссійскіе
стали безъ разбора называться Запорожцами. Это на-
званіе какъ бы отличало полки, преданные Гетману и
отечеству, отъ преданныхъ Магнатамъ и Польшѣ. Онъ
сблизилъ Запорожье съ Гетманщиною; отдаленные отъ
селеній и городовъ, эти вольные сыны степи, укрываясь
за Днѣпровскими порогами, были чужды выбору Гет-
мана, котораго однакожь чтили «*батькомъ*». Но нынѣ
сблизились они съ своими старшими братьями, избрали
для всѣхъ одного Главу, и это было благомъ для Ма-

лороссіи въ ея бѣдствіяхъ: защищенные отъ Польскаго напавша рѣкою, трясинами и неприступностію острововъ своихъ, Запорожцы могли вѣрнѣе и легче оберегать права и свободу общаго отечества.

Въ сего-то Гетманство Король Сигизмундъ и Магнаты его наводнили Россію самозванцами. Эта борьба подлога съ правотою имѣла сильное вліяніе и на Малороссію. Первымъ поприщемъ ея были Кіевъ, Черниговъ, Почепъ, Новгородъ-Сѣверскій и весь Сѣверъ Малороссіи.

Въ 1606 году, въ то время, когда одни казаки сражались въ Путивль за мнимаго Русскаго Царя, другіе овладѣли на Черномъ морѣ десятью кораблями Турецкими.

Въ 1607 году прини́ли вѣсти изъ Ораы въ Варшаву о приготовленіяхъ Татаръ къ новому набѣгу. Король немедленно отправилъ войско въ Украину; пока оно расположилось станомъ между Винницею и Немировымъ,

подъ Ободнею, Запорожцы ворвались уже въ Орду, въ конецъ разорили Очаковъ и Перекопъ, и успѣли возвратиться съ добычею, преслѣдуемые только жалобами Султанскими. И за то, въ знакъ благодарности къ нимъ, Правительство Польское приняло новыя мѣры къ ихъ угнѣтенію.

Въ 1609 году оно особеннымъ постановленіемъ запретило, исключая чрезвычайной крайности, набирать козаковъ въ службу Королевскую.

Однакожь такія строгія постановленія Сеймовъ не имѣли ни какого дѣйствія на Сагайдачнаго. Въ то время, какъ подъ предводительствомъ Князя Романа Рожинскаго, часть Малороссійскихъ козаковъ участвовали въ осадѣ Смоленска, въ обложеніи Москвы, во взятіи Бѣлой, Сагайдачный дѣйствовалъ противу Магометанъ.

Въ 1612 году, сведавъ, что Крымцы, пользуясь замѣшательствами въ Малороссіи, сдѣлали набѣгъ въ пограничныя селенія и угнали на полуостровъ множество

пленныхъ, онъ съ пѣшимъ войскомъ отправился на Запорожскихъ лодкахъ въ Черное море; тамъ одна половина войска поплыла къ Кафѣ, а другая съ Гетманомъ вышла на берегъ, въ пристани Сарыбулатской; мимо Кафскихъ горъ, она прошла къ тому же городу и, приступивъ отъ горъ и отъ моря, Гетманъ взялъ его штурмомъ. Пленные, въ немъ найденные, были освобождены и забраны войскомъ; жители выбиты до послѣдняго и городъ разграбленъ и сожженъ. Гетманъ прошелъ горами къ Козлову, сжегъ и его предместья; жители скрывшіеся въ крѣпости, просили пощады и привели къ Гетману есъхъ христіанъ, содержимыхъ въ неволѣ, съ великими дарами. Окончивъ такъ счастливо походъ, Сагайдачный возвратился въ Малороссію съ множествомъ пленныхъ и съ богатою добычею.

Въ опроверженіе Гетманства его, и чтобъ всецѣль вражду и междоусобіе въ войско Малороссійское, Поляки, съ приверженными къ нимъ полками, выбрали Гетманомъ Демьяна Кушку. Прославившій себя еще во времена Наливайки, онъ вздумалъ заслужить общее ува-

женіе походомъ въ Бессарабію, для освобожденія невольниковъ Христіанъ, уведенныхъ Татарами отъ границы Подоліи; но приблизясь къ Аккерману, былъ атакованъ Турками и Татарами, взятъ въ плѣнъ и убитъ. На мѣсто его Поляки избрали Малороссійскаго старшину Бородавку; Сагайдачный поймалъ его, предалъ военному суду и, какъ самозванца и народнаго возмутителя, разстрѣлялъ.

Въ 1613 году Поляки издали законъ объ искорененіи козаковъ, съ предоставленіемъ Короннымъ Гетманамъ правъ, поступать съ ними, «яко» Государственными злодѣями.

Не внимая угрозамъ, козаки продолжали свою борьбу съ Магометанами. Въ 1614 и 1615 годахъ, опустошили берегъ Чернаго моря, истребили Турецкую флотилію, состоявшую изъ 6 галеръ и 20 легкихъ судовъ; сожгли арсеналъ Требзондскій, Синогъ превратили въ пепель, и въ то время, когда Головченко воевалъ въ великой Россіи, Голубъ наводилъ ужасъ на малую Азію.

Подвиги Сагайдачнаго заставили Поляков образумиться. Скиндеръ Папа явился на границахъ Польни съ 80,000 Турковъ; Правительство перестало не признавать Конашевича Гетманомъ.

Въ 1616 году забравъ въ команду свою всѣ войска Малороссійскія, и имѣя отъ Сигизмунда повелѣніе, Сагайдачный отправился вмѣстѣ съ войсками Польскими противъ Турковъ, въ Буковину, и встрѣтилъ ихъ надъ Днѣстромъ. Тутъ повелъ онъ на нихъ фальшивую атаку съ одними легкими войсками, пѣхоту построилъ, со всею конницею и артиллеріею, на двухъ возвышенностяхъ, закрытыхъ зарослями. Турки, запальчиво, въ полномъ жару и растроятствѣ, погнали; легкія войска эти подавались на задъ, отдѣлывались перестрѣлками и кружили предъ ними обыкновенными маяками, наконецъ завели ихъ въ свою средину, между возвышенностей и кустарниковъ: тогда сдѣлавъ съ двухъ сторонъ пушечные и ружейные залпы, положили Турковъ цѣлыми тысячами; конница обхватила враговъ съ боковъ и съ тылу, смѣшала ихъ и растроила такъ, что металась въ безпа-

мятствѣ то въ ту, то въ другую сторону, они были перебиты и переколоты, а спаслись одни бросавшіе оружіе свое и знамена на землю, и спустившіеся въ оврагъ, гдѣ, легши на землю, просили пощады. Побѣдителямъ досталось въ добычу: вся Турецкая артиллерія, весь ихъ обозъ съ запасами, все вооруженіе, обобранное съ живыхъ и мертвыхъ; мертвецовъ Турецкихъ сочтено 9715 человекъ, въ плѣнъ взято болѣе тысячи, а въ томъ числѣ семь Пашей и семнадцать чиновниковъ, да убѣжало изъ обозу, въ овраги и заросли, болѣе тысячи.

Гетманъ отправилъ плѣнниковъ и тѣлеса въ Каменецъ—Подольскъ, для препровожденія въ дальнѣйшее оттоль назначеніе, потомъ продолжалъ свой походъ между Молдавіи и Валахіи, преслѣдуя Турковъ, которыхъ встрѣтивъ нѣсколько отрядовъ, разбилъ на походѣ и обратилъ въ бѣгство съ великими потерями. Наконецъ, при Галацѣ, сблизился съ главною Турецкою арміею, подъ командою Сераскира паша Силистрійскаго. Тоталь—Ислама. Обозрѣвъ позицію, укрѣпивъ свой станъ артиллеріею и окопами, онъ ожидалъ нападенія состо-

роны Турковъ; но видя, что Дунаемъ приходятъ на судахъ свѣжія войска къ Туркамъ на подкрѣпленіе, рѣшился немедленно атаковать станъ Турецкій, и въ одно утро, на зарѣ, выступивъ изъ оконовъ, построилъ пѣхоту въ двѣ колонны, прикрылъ ее конницею и повелъ на непріятеля, примыкавшаго тыломъ и однимъ флангомъ къ рѣкѣ и къ предмѣстію.

Первый Турецкій заплъ былъ направленъ на конницу Гетманскую, которая и потеряла отъ него значительную потерю въ лошадяхъ; но вслѣдъ за тѣмъ выстрѣломъ, конница раздѣлилась въ стороны, а пѣхота колонною спустилась къ рѣкѣ, и обошедъ у самаго берега фланговую батарею Турецкую, ввалилась въ станъ Турецкій и въ предмѣстіе, не давъ Туркамъ зарядить снова пушки.

Сдѣлавъ выстрѣлъ, эта колонна вступила въ рукопашный бой, а другая между тѣмъ проползла ползкомъ на окопы Турецкіе и, произведя ружейный заплъ на Турковъ, ихъ защищавшихъ, устремилась на нихъ съ

копьями. Конница въ это время дѣлала натиски съ другихъ сторонъ стана Турецкаго, развлекая силы ихъ на всѣ стороны.

По долгомъ кровопролитіи, Турки были наконецъ опрокинуты и побѣжали въ городъ. Обстрѣлявшіе ружьями и пистолетами, они не могли ихъ на-скоро вновь заряжать, а казаки поражали ихъ пиками, противъ которыхъ невозможно было обороняться саблями и кинжалами.

Погоня за Турками запрещена была козакамъ далѣе замка и рѣки, но они получили въ добычу все, что было въ станѣ Турецкомъ, со множествомъ богатствъ, орудій и запасовъ. Наконецъ подвезена была къ замку тяжелая артиллерія, начата была пальба, Турки бросились на суда, переправились чрезъ Дунай и оставили городъ съ одними жителями, которымъ какъ христіанамъ казаки не причинили никакого зла.

Оставя Галацы, Сагайдачный направилъ было путь свой въ Бессарабію, но подоспѣвшій къ нему гонецъ,

изъ Варнавы, привезъ отъ Короля повелѣніе, чтобы онъ возвратился въ свои границы, а Турковъ оставилъ бы въ покоѣ, потому что ихъ Правительство учинило съ Польшею перемиріе и соглашается на вѣчный миръ.

Приближась къ границамъ, Гетманъ отпустилъ отъ себя войска Польскія и, продолжая походъ въ Малороссію, встрѣтилъ при рѣкѣ Бугъ другаго гонца изъ Сѣви Запорожской. Коневой Дурдило увѣдомлялъ чрезъ него, что Татары Крымскіе, пользуясь заграничною отлучкою Гетмана, прошли своими ставами за рѣку Самару, на грабежъ, въ восточную Малороссію. Тогда Гетманъ оставилъ пѣхоту свою слѣдовать обыкновеннымъ путемъ въ ея жилища, а къ Днѣпру поспѣшилъ ускореннымъ маршемъ; сдѣлавъ переправу, онъ расположился въ лугахъ Днѣпровскихъ, близъ устья Конскихъ водъ; отсюда посылалъ онъ къ Самарѣ частые разъѣзды, для развѣдыванія о возвращеніи Татаръ изъ Малороссіи.

Чрезъ нѣсколько дней прискакали къ нему разъѣзжіе козаки, и увѣдомили, что Татары съ «ясиромъ преве-

ликимъ» уже перебираются чрезъ Самару; при ней будутъ они имѣть ночлеги, а за ними гонять множество всякаго скота. Гетманъ съ своимъ войскомъ на всю ночь отправился къ Самарѣ, на зарѣ наналъ на таборъ Татарскій, обширно расположенный по теченію рѣки, и первый козачій крикъ, первый выстрѣлъ, произведенный изъ ружьевъ и пушекъ, разогналъ верховыхъ Татарскихъ лошадей, а самыхъ Татаръ привелъ въ робость и обезоружилъ. Они ватались по табору, не зная что дѣлать. Козаки, проходя лавою чрезъ весь лагерь, кололи и рубили ихъ почти безъ всякой обороны. Обоюго пола плѣнники, увидя неожиданную помощь, одни другаго развязывали и принимались въ свою очередь рвать хищниковъ съ самою злобною жестокостію. Копья и сабли Татарскія, уставленные на ночь въ кучи, были для нихъ готовымъ оружіемъ, и Татары отъ собственнаго оружія погибали тысячами. Такъ были истреблены они до послѣдняго, и ни одного не осталось изъ нихъ, кто-бъ возвѣстилъ въ Крыму о ихъ гибели. Весь таборъ Татарскій, со всемъ тѣмъ, что они имѣли, достался въ добычу побѣдителямъ, и нѣсколько тысячъ обоюго

пола пльвниковъ Малороссійскихъ не только были освобождены, но надѣлены лошадьми и вещами Татарскими.

Въ 1613 году Сагайдачный помогал Польщѣ, обратилъ оружіе свое противу Россіи. Онъ съ 20-ю тысячами козаковъ двинулся къ Москвѣ, взялъ городъ Ливны. Воевода тамошній Князь Никита Черкасскій былъ полоненъ, товарищъ его Петръ Даниловъ убитъ въ сраженіи. Отъ Ливенъ Гетманъ подошелъ къ Ельцу; Воевода Андрей Полевъ храбро защищалъ городъ, ему взбранный, но, понадеясь на силы свои, вышелъ изъ города со всемъ войскомъ своимъ и вступилъ въ бой съ Гетманомъ. Гетманъ разгромилъ это войско; самого Воеводу и находившихся въ Ельцѣ посланниковъ Царскихъ къ Хану Крымскому, Степана Хруцова и Бредихина, взялъ въ пльвъ; Татаръ, найденныхъ въ городѣ, вырзалъ, и Русскіе подарки къ Хану, цѣною на 10 тысячъ рублей, взялъ на козаковъ. Изъ Ельца, со всеми пльвными Боярами, выступилъ далѣе въ походъ.

Царь велѣлъ Князю Пожарскому идти противу Гетмана. Знаменитый Полководецъ и спаситель отечества

пришелъ въ Серпуховъ; укряпивъ его, готовился уже сразиться съ Гетманомъ, но впалъ въ тяжкую болѣзнь; можетъ быть сама судьба оберегла главу добродѣтельнаго героя и любимца своего; не знаемъ чтобы случилось, если-бъ Сагайдачный и Князь Дмитрій Михайловичъ увидѣлись на открытомъ полѣ; но известно, что вмѣсто Князя Пожарскаго привилъ начальство надъ войскомъ Князь Волконскій, и не могъ противиться Гетману; въ виду всего войска, Сагайдачный перешелъ чрезъ Оку, и въ то время, когда Князь Волконскій отступилъ къ Коломнѣ, будто бы для охраненія ея отъ непріятели, Гетманъ поворотилъ на дорогу Каширскую и сталъ у Донскаго монастыря.

Войско, бывшее въ Москвѣ, испуганное приходомъ Гетмана, взволновалось: «воины приходяху къ Болрому съ «большимъ шумомъ, и указываху, чего сами не знаху; «едва Богъ утоли толикое волненіе безъ крови.» Когда утихло такое смятеніе въ войскѣ, Царь приказалъ военачальникамъ вступить въ бой съ козаками. Сагайдачный выхалъ изъ стана, Гетманскою булавою сбилъ съ

коня Полководца Русскаго, Бутурлина, и тутъ же добилъ.

Войско объялось страхомъ, обратилось въ бѣгство, а Гетманъ пошелъ мимо Москвы къ лагерю Королевича Владислава, расположенному по дорогѣ Звенигородской; 23 сентября они соединились и опредѣлили осадить Москву.

Планъ, ими составленный для взятія города, на канунъ Покрова, былъ весьма верный. «Хотя Царь и Бояре «приняли всевозможныя мѣры противъ столь сильныхъ «и опасныхъ враговъ, но вѣроятно не успѣли бы въ «этомъ, если бы провидѣніе непоколебало умъ двухъ «Французскихъ инженеровъ, находившихся въ тайномъ «совѣтѣ. Они ушли въ Москву и передали Царю весь «планъ атаки.» Это подлинныя слова одного изъ Русскихъ историковъ.

Прикрѣпя петарду къ Арбатскимъ воротамъ, осаждающіе взорвали ихъ и рванулись въ городъ, но окольные

чій Никита Годуновъ отстоялъ Москву; Гетманъ и Владиславъ отступили съ значительною потерей, а Царь во славу этой битвы и въ возблагодареніе Богу построилъ въ селѣ Рубцовѣ церковь Покрова Богородицы, и село переименовалъ Покровскимъ.

Тогда Сагайдачный разорилъ уездъ Серпуховскій и сталъ подъ Калугою; но какъ Польша заключила миръ съ Россіею, то Гетманъ оттуда возвратился въ Малороссію и, какъ бы въ знакъ примиренія, отпустилъ 300 казаковъ служить Царю.

Въ 1620 году Сагайдачный отправилъ на помощь къ Полякамъ шесть полковъ съ Генеральнымъ Есауломъ Потребичемъ противъ Турковъ; неудачное сраженіе при мѣстечкѣ Цецоръ, надъ Прутомъ, доказывало, что повелитель казаковъ съ ними не присутствовалъ. Въ этой битвѣ былъ убитъ Чигиринскій Сотникъ Михайло Хмельницкій. Знаменитый сынъ его Богданъ, при видѣ отца своего, плававшего въ крови, ворвался въ ряды Турецкіе, но былъ окруженъ, взятъ въ плѣнъ и два года то-

мися въ неволѣ. Поляки лишились при Цецоръ Канцлера Короннаго, Великаго Гетмана Станислава Жолкъвскаго: голову его, воткнутую на копьѣ, съ торжествомъ носили по Константинополю; потомъ она была выкуплена Поляками и вмѣстѣ съ тѣломъ погребена въ Жолкѣвъ въ Галиціи.

Въ томъ же году, Запорожцы разбили Татаръ подлѣ Перекопомъ; козаковъ было въ дѣлѣ 5000, Крымцевъ 8000. Гетманъ отправилъ къ Царю Русскому Михаилу атамана Петра Одицца съ извѣстіемъ объ освобожденіи изъ оковъ многихъ христіанъ, томившихся въ ордѣ. Атаманъ не видѣлъ Царя: его принималъ и угощалъ Бояринъ, Намѣстникъ Коломенскій, освободитель Россіи, Князь Пожарскій. «Неоскорбляйтесь», сказалъ Бояринъ Атаману и козакамъ его, «что невидѣли очей его Царскаго Величества. Вы пришли къ Москвѣ передъ постомъ, и въ постъ у Великаго Государя нашего никакіе послы и иноземцы не бываютъ; а нынѣ Царское Величество ѣдетъ молиться по святымъ мѣстамъ, и велѣлъ васъ отпустить.» Но послы одарены были деньгами,

сукнами, лисьими шапками, тафтою; къ Гетману была отправлена похвальная грамота, а на войско 300 рублей.

Желая отмстить Туркамъ за пораженіе Жолкъвскаго, Поляки начали ласкать козаковъ и Гетмана. Сеймъ опредѣлилъ войску жалованье и обнародовалъ Конституцію въ пользу угнетеннаго Уніятами духовенства Греко-Россійскаго, и потребовалъ отъ козаковъ присоединенія къ Коронному Гетману Хоткъвичу, для войны съ Турками.

Напрасно Диванъ старался подкупить Сагайдачнаго; онъ не прельстился цѣхнами и вывелъ 30,000 козаковъ съ 28 пушками; у Хоткъвича было 34,000 Поляковъ. Они окопались на ровномъ мѣстѣ близъ Хотина, двумя отдѣльными станами, козацкимъ и Польскимъ. Сначала происходила съ обѣихъ сторонъ ужаснѣйшая пальба изъ орудій. Однихъ Татаръ кромѣ Турковъ было 100,000 человекъ. Первые и сильнѣйшія нападенія невѣрныхъ направлены были на станъ козацкій: онъ продолжался нѣсколько часовъ, съ малою однакожъ потерей для воевъ Конашевича, укрывавшихся въ

своих шанцахъ. При отступленіи Турковъ, козакн преслѣдовали ихъ, и пользуясь темнотою ночи ворвались въ лагерь непріятельскій и, овладѣли бы онымъ, еслибъ Хоткевичъ не отказалъ имъ въ поддержаніи, опасаясь лишиться части богатой добычи Турецкой.

Этотъ отказъ козакн сочли обидою; недостатокъ въ фуражѣ и провіантѣ, охладилъ ихъ еще болѣе; сталъ слышанъ ропотъ. Гетманъ извѣстилъ Польскихъ военачальниковъ о близкомъ возмущеніи и три депутата были отправлены въ станъ Сагайдачнаго. Между ими находился историкъ Яковъ Собѣскій. Онъ, въ короткомъ привѣтствіи, выхваляя оказанныя Польгъ услуги козаками, просилъ ихъ для вѣры, отечества, чести, для Владислава, ими любимаго, остаться при войскѣ Коронномъ, обнадеживалъ вознагражденіемъ за всѣ убытки всегдашней милостію Королевскою. Ковашевичъ и старшины присоединились къ Депутатамъ, возстановили спокойствіе въ лагерь.

Турки до того были раздражены козаками, что за каждую козачью голову платили по 50 червонцевъ, и

Татары не рѣдко выбривъ мертвую голову Польскую по-казацки, продавали её за козачью. Во время начавшихся переговоровъ о мирѣ, Турки требовали отъ Поляковъ казни всѣхъ Малороссійскихъ Старшинъ и Сагайдачнаго! Какое же было удивленіе Гетмана, когда онъ увидѣлъ въ договорѣ, что Поляки одною изъ статей обизались передъ Турками «обуздать самовольство Запорожцевъ и прекратить ихъ морскіе разбои.» Ковашевичъ огорченный, обиженный коварными поступками Польскаго Правительства, переправился обратно чрезъ Днѣстръ съ козаками, и вступилъ въ Малороссію.

Тогда соскучивъ тяжкими трудами, повесенными на защиту и во славу своей родины, и устарѣвъ уже на Гетманствѣ, великій мужъ, вѣрный по гробъ клятвѣмъ своимъ, сдалъ начальство надъ войсками Наказному Гетману своему, Петру Жицкому. Въ случаяхъ набѣговъ и пограничныхъ безпокойствъ, поручалъ Генеральнымъ старшинамъ исполнять данныя отъ него распоряженія, а самъ остался спокойнымъ правителемъ Малороссіи: исправлялъ ввнутренніи безпорядки Правительства, запрещалъ

Уніяство, возвращалъ православнымъ церкви, Поляками у нихъ отнятыя, въ томъ числѣ Кіевобратскій монастырь, который возобновилъ онъ своимъ издвигеніемъ; постройки поручалъ онъ свѣдущему въ архитектуру Гетману Жцикому, далъ монастырю селы и возобновилъ, хотя не явно, школу, послѣ нашествія Татаръ скрывавшуюся по монастырѣмъ и пещерамъ; пожертвовалъ ей всею своимъ имѣніемъ, наконецъ вступилъ въ иночество и послѣ двадцати четырехъ лѣтняго Гетманства въ 1622 году окончилъ знаменитую жизнь. Онъ погребенъ въ монастырь Кіевобратскомъ.

При Сагайдачномъ въ Кіевѣ, стѣсненномъ до того Уніятами, которымъ принадлежала Софійская Кафедра, начали православные свободно сооружать храмы и даже монастыри. Нѣкто Кирилль возстановилъ въ 1609 году, обитель Кирилловскую мужескую, построенную въ XII вѣкѣ дочерью Всеволода I Ярославича Марією, Супругою Польскаго Короля Казимира, Батыею разоренную. Въ 1616 году при церкви Святителя Николая, на такъ называемой Плоской Слободѣ, учрежденъ былъ дѣвичій

монастырь Иорданскій, уничтоженный въ 1786 году. Іовъ Борецкій основалъ другую обитель женскую Іоанна Богослова въ 1621 году, на лѣвой сторонѣ Золото-верхо-Михайловскаго монастыря, гдѣ нынѣ каменный флигель. Престарѣлая Супруга его была тамъ первою Игуменьею.

Въ Гетманство Конашевича посвященъ былъ Іерусалимскимъ Патріархомъ Теофаномъ, въ 1621 году, въ Митрополиты Кіевскіе Іовъ Борецкій, игумень Кіево-Михайловскаго монастыря. Передъ тѣмъ временемъ Уніятскій Митрополитъ Михаилъ Рогоза старался овладѣть Лаврою, получивъ на то привелегію отъ Короля, но Архимандритъ этой знаменитой обители, Никифоръ Туръ, твердый поборникъ Грековосточнаго православнаго исповѣданія, врагъ Уніи и отступниковъ, умѣлъ отдалить всѣ покушенія сльваго соперника. Тщетно Сигизмундъ предписывалъ шляхтичу Яну Кащичу, отобравъ монастырь Печерскій со всеми принадлежащими къ нему деревнями, отдать подъ власть Михаила, повѣлявалъ старцамъ находится въ повиновеніи Рогозы,

призвать его Архимандритомъ своимъ: Лавра осталась въ прежней зависимости Никифора.

Малороссіане оплакивали потерю Коношевича и вмѣстѣ не переставали проливать слезы о другомъ защитникѣ своемъ, похищенномъ смертію, въ 1608 году, Князь Константинъ Константиновичъ Острожскомъ. Онъ прославилъ себя усердіемъ къ церкви, любовію къ просвѣщенію, основалъ въ Острогѣ школу для не Уніатовъ, завелъ типографію посредствомъ изгнаннаго изъ Россіи Ивана Федорова, устроившаго въ 1553 году книгопечатаніе въ Москвѣ, чрезъ сто лѣтъ по изобрѣтеніи онаго; досталъ въ семь городъ содѣйствіемъ Секретаря Литовскаго Гарабурды, полный списокъ Ветхаго и Новаго Завета, сверилъ его съ Греческою бібліею, присланною къ нему отъ Іереміи, Патріарха Константинопольскаго, исправилъ (посредствомъ нѣкоторыхъ филологовъ) и напечаталъ въ 1581 году; подарилъ около 1608 года, Печерскому монастырю буквы и всѣ орудія, къ печатному дѣлу принадлежація. Князь Острожскій жилъ пышно, всегда содержалъ при себѣ отъ одной до двухъ

тысячъ дворянъ, доходу имѣлъ миллионъ двѣсти тысячъ злотыхъ, дворецкимъ былъ у него Воевода, и получалъ за то, что два раза въ годъ являлся предъ Князя, 7000 злотыхъ жалованья; прославилъ себя на ратномъ полѣ, Острожскій былъ щедръ для убогихъ и для воиновъ, остался вѣренъ до конца православію, соорудилъ нѣсколько церквей, монастырей и въ Острогѣ богадельню; скончался имѣя безъ малаго сто лѣтъ.

Въ Гетманство Коношевича, Кіевскіе мѣщане получили привилегію: чтобъ жида въ Кіевѣ не жили, торговъ бы не имѣли, ни у кого ни мѣсть, ни дворовъ не покупали, на ярмаркахъ не оставались бы дагѣ одной недели, и не учителей, но на гостинномъ дворѣ оставались. Въ пользу духовенства Греческаго были обнародованы Конституціи въ 1607, 1609, 1618 и 1620 годахъ, т. е. тогда, когда Поляки вуждались въ помощи Сагайдачнаго. — (Исторія Малороссіи Б. Каменскаго и Н. Маркевича).

90	2	шляхетскія	шляхетскія
—	3	въ повозки,	на повозки,
106	9	предъ-смертныя	предсмертныя
115	11	Концепольскій	Концепольскій
116	13	послѣ осьми часового	послѣ осьми-часового
—	14	поправлятся	поправлятся
118	6	Республики,	Республики,
119	16	огромныя чаны	огромныя чаны
120	6	уствѣшяся	уствѣшихся
125	9—10	присудствовали	присутствовали
137	2	въ верхъ	вверхъ
149	4	въ верхъ	вверхъ
152	6	простиравшіяся	простиравшіяся
157	13	переколаны,	переколаны,
161	15	Густафъ - Адольфъ	Густафъ - Адольфъ
175	13	патріарха Іеремію	Патріарха Іеремію
181	1	упреки совѣски.	упреки совѣсти.
—	6	Главою церкви,	главою церкви,
188	2	накорбовали на кор- бахъ	накарбовали на кар- бахъ
194	2	тросниками	тросниками
211	20	внутреннія безпоряд- ки	внутренніе безпоряд- ки
212	4	архитектуръ	архитектуръ
213	20	находится	находится

ГЕТМАНЪ ОСТРЯНИЦА.